

The background of the cover is a detailed illustration of a naval battle. In the foreground, a woman with long dark hair, wearing a grey hooded cloak with a yellow lining, looks towards the viewer. Next to her stands a man in a dark blue naval uniform with a high collar and a fur hat with a white cross. He has a mustache and is gesturing with his right hand. Behind them, several sailing ships are engaged in battle on a choppy sea. One ship on the left is firing a cannon, with a large explosion visible. Another ship on the right is on fire. Seagulls are flying in the sky above the ships.

НАШИ • ТАМ

ЛОГИКА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

АЛЕКСЕЙ ПЕРЕЯСЛАВЦЕВ
МИХАИЛ ИВАНОВ

ДЛИННЫЕ РУКИ
НЕЙТРАЛИТЕТА

Наши там (Центрполиграф)

Михаил Иванов

Длинные руки нейтралитета

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Иванов М.

Длинные руки нейтралитета / М. Иванов — «Центрполиграф»,
2018 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08215-2

Экспедиция Маэры застревает в Севастополе 1854 года, так как портал остаётся размером, возможным лишь для пересылки малоразмерных предметов. Идёт Крымская война. Пришельцы стараются не вмешиваться, но это не удаётся в полной мере. Российский флот покупает у маэрцев оружие, которое непрерывно улучшается стараниями той и другой стороны. А маг жизни организует медицинскую помощь, применяя свои умения в исцелении раненых, больных и контуженых. Однако спецслужбы англо-франко-турецкой коалиции не могут не обратить внимания на обновления российского вооружения и предпринимают ответные действия — как чисто военные, так и в виде тайных операций. На Маэре же ведутся исследовательские работы для возвращения своих сограждан. И никто не знает, ждёт ли учёных успех.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08215-2

© Иванов М., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алексеи Переяславцев, Михаил Иванов
Длинные руки нейтралитета

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Пролог

Пришельцы на Землю из чужого мира могут быть дружественными. Они могут оказаться врагами. Но эти не были ни теми ни другими.

Магистр магии, универсал Тифор-арз, магистр магии жизни и разума Мариэла-руа, лейтенант Малах-од, он же командор, капитан дальнего плавания и кораблестроитель Риммер и дракон Таррот попали в мир Земли с исследовательской экспедицией из мира Маэры, где существует магия. В задачи экспедиции входил розыск Професа, ранее побывавшего в Маэре. Родным для него был русский язык. Экспедиция попала туда, куда и предполагалось: в Россию. Но уникальный кристалл алмаза, открыв портал достаточного размера, чтобы между мирами могли пройти люди и дракон, после этого взорвался, не выдержав огромной плотности магополей. Прочие имевшиеся в распоряжении кристаллы позволяли переслать туда и обратно лишь мелкие предметы.

Оставшийся в своём мире руководитель экспедиции и глава Гильдии магов Заокеании кандидат в академики Сарат-ир спешно организовал морской поход на север маэрского материка за алмазами. Одновременно маги-практики пытались вырастить искусственные кристаллы фианита, которые, по прогнозам, могли быть своими свойствами близки к алмазу. Но ни то ни другое пока не принесло успеха. Найденные алмазы были малы, а выращивание крупных фианитов оказалось сложной маготехнологической задачей.

Пришельцам не оставалось ничего другого, как вживаться в тот мир и пытаться самим раздобыть алмаз нужного размера и качества. В России, куда они попали, шла Крымская война. Никто из членов экспедиции не намеревался ввязываться в неё. Но для приобретения алмаза нужны деньги, и маэрцы стали оказывать землянам разного вида услуги и продавать товары военного назначения.

Больше всех с иномирцами сблизилась офицеры-моряки лейтенант Семаков, лейтенант князь Мешков и мичман Шёберг, а также казачий хорунжий Неболтай. Они же и стали главным связующим звеном между пришельцами и руководством Севастополя. Маэрские маги и кораблестроитель помогли спроектировать и собрать небольшой высокоскоростной корабль «Морской дракон» с магическими двигателями и магическим вооружением, и те же моряки получили командные должности на нём. Члены экспедиции стали посредниками при продаже стрелкового и артиллерийского вооружения.

Иномирцы всеми силами пытались придерживаться нейтралитета.

Глава 1

Как только лейтенанту Семакову стало известно о десанте союзников в Евпатории, он, помрачнев, заперся в своей комнате и, судя по звукам, изучал карты и занимался писаниной. А потом капитан «Морского дракона» поехал на бричке в сторону пещеры, где жил дракон.

Принадлежность к разведке приучила лейтенанта анализировать. Из высадки десанта и более чем сомнительного результата обстрела Севастополя с моря следовало, что теперь будет предпринята попытка штурма с суши. А раз так, «Морскому дракону» нельзя базироваться в Севастопольском порту. Нужно некое хорошо укрытое место. И Таррот в этом мог помочь.

В общении с людьми драконы стараются придерживаться человеческих обычаев. Но и лейтенант, в свою очередь, постарался быть обаятельным гостем. Хозяину пещеры было предложено местное вино (человек уже знал, что драконы не чураются этого напитка) и закуска к нему – вяленое мясо, изготовленное по армянскому рецепту. Но довольно скоро разговор пошёл в неожиданном для дракона направлении.

– Таррот Гарринович, нужна ваша консультация по части рытья пещер и, возможно, помощь.

Реакция крылатого на эти слова выразилась в движении гребнем. Расшифровать его мог бы человек, несколько лет проводивший среди драконов, а таковых в пещере не было. Впрочем, моряк посчитал, что Таррот внимательно слушает, и не ошибся.

– Суть вот в чём: возможно ли вырыть в скальном берегу такую пещеру, чтобы туда вошёл корабль величиной с «Морского дракона»?

Плохим глазомером ни один дракон никогда не страдал. Ответ был:

– Да, такое возможно, и ваш корабль войдёт туда без труда. Конечно, по высоте она должна быть побольше, чем обычная жилая пещера для драконьей семьи. Но ведь у вас будут и дополнительные требования?

– Вы угадали, Таррот Гарринович. Нужна такая пещера, чтобы корабль в ней нельзя было бы разглядеть со стороны моря. Посмотрите, как это выглядит на чертеже...

Началось обсуждение. Оно было весьма оживлённым:

– ...Да, возможно, но как туда попасть...

– ...Примите во внимание глубину...

– ...Осадка корабля составляет...

– ...Это несложно, но со временем, то есть после штормов...

– ...Проверить такое затруднительно...

– ...Привлеките Тифора, он даст амулет...

Закончилось обсуждение прямым вопросом:

– И сколько же вам на всё это понадобится времени?

Последовал встречный вопрос:

– А какие у вас требования к потолку и стенам?

– ???

– Ну, к степени гладкости потолка и стен.

– Да никаких. Вот только в подводной части выступающих камней не должно быть, а то, неровен час, можем обшивку помять.

– Тогда дело даже проще, чем обычная работа по созданию жилой пещеры. Кхrrrrrm. Скажем, за два... нет, три дня управлюсь.

– И что вы хотите за эту работу, Таррот Гарринович?

Не было сказано «Сколько хотите». Семаков вполне разумно предположил, что деньги дракона интересуют меньше, чем предметы.

Крылатый начал перечислять:

– Во-первых, такая пещера стоит хорошего кристалла для воды и ещё одного для огня. Первый – голубой или синий, вот такого размера... – дракон отмерил на когте величину, – а красный... примерно такой.

Лейтенант напрягся, пытаясь вспомнить всё, что знал о драгоценных камнях. Видимо, что-то ему пришло на ум, поскольку последовало уверенное:

– Полагаю, такие можно найти.

– Вполне, но это не всё. Ещё я хочу доложить о результатах этой работы на ежегодном собрании магов земли там, в моих краях.

Российского моряка вдруг кольнула иголочка осторожности.

– Не возражаю, но без упоминания о назначении этой работы. Скажем, так: заказчик пожелал пещеру такой-то формы, таких-то размеров... Понимаете?

– Согласен, но и это не всё.

– Что вы хотите сверх упомянутого?

В тот момент лейтенант мог бы поклясться, что крылатый собеседник смущён.

– Это самое печенье... ну, вы знаете. Поверьте, ни один дракон никогда такого не едал.

Предполагалось, что совещание ближайших помощников Сарата будет посвящено текущим вопросам. По расчётам председательствующего (Сарата), заседание не должно было принести ничего экстраординарного. Не сказать, чтобы прогнозы полностью провалились, но частично – это точно.

Для начала магистр Харир с неприкрытой гордостью предъявил для осмотра очередной шедевр кристаллостроения: фианит размером аж в три четверти маэрского дюйма. Исследователь удостоился кисло-сладкой похвалы и пожелания улучшить достижения. Правды ради следует упомянуть, что далеко не все присутствующие разделили скепсис Сарата: кристалл пошёл по рукам, а любой вменяемый бакалавр мог прокачать потоки, пусть даже кандидат в академики делал это быстрее и лучше. Но потом разразилась неожиданная буря.

Слова попросил лучший гранильщик Заокеев Сафар. Хорошо зная старого товарища, Сарат полностью сосредоточился. Очень уж выразительно лицо Первого мастера гильдии намекло на важность сообщения.

– У нас тут имеется так и не преодоленный дефицит кристаллов галенита, – начал гранильщик. – Предлагаю средство против этого...

Если Сафар думал, что по залу пройдет шепоток, то ошибся: все просто слушали. Пожалуй, только двое подумали, что речь пойдет не о новом источнике этих кристаллов: сам Сарат и Шахур. Они больше всех присутствующих имели причины доверять слову многоуважаемого, еще с тех пор, когда он числился подмастерьем.

– ...использовать вместо галенита универсальный кварц. Пусть даже кристаллы потребуются большего размера, но их-то у нас сколько угодно...

Сафар знал, что говорил. Получение искусственно выращенных кристаллов кварца не считалось проблемой. Да что там: получение цветных кристаллов полагалось намного более тонкой технологической задачей. Для бесцветных требовалось лишь хорошее сырьё, которое не нуждалось ни в каких примесях ради получения цвета.

– ...А ты, Сарат, как-то говорил, что при прочих равных универсал должен быть примерно в десять раз объемнее специализированного кристалла. Ну, так вместо дюймового поместим двухдюймовый. Также надо учесть: тот кристалл, который на смену галениту, он одноразовый, значит, можно заложить меньший размер. Не в десять раз больше галенита, а... во сколько-то там.

Вот теперь в зале возник шепот. В нём даже особо внимательное ухо не могло бы выделить фразы конструктивного содержания. Скорее преобладали весьма эмоциональные интонации.

Председательствующий, будучи достойным учеником Професа, почувствовал, что налицо тот самый случай, когда брать слово просто необходимо.

– Видимо, собравшиеся почитают себя гениями от науки. Поздравляю всех присутствующих. – Злейшая ирония прямо-таки сочилась ядом слов и истекала отравой улыбок. – Как замечательно всё получилось! Человек без магических способностей ухитрился макнуть мордой в дерьмо высокоопытных магов – и в чём? В том, чем они занимались всю жизнь! Поистине, Первый мастер Сафар, – тут Сарат не поленился встать и отвесить почтительный поклон, – знает ваше дело лучше вас.

Лошадиная физиономия Сафара сохранила невозмутимость, которая, впрочем, была малость подпорчена легчайшей улыбкой.

– Прошу высказываться.

Приглашение прозвучало с настолько ледяной интонацией, что особой борьбы за право слова не наблюдалось.

Доктор телемагии Шахур поднял палец.

– Чего уж там говорить, избаловались мы на специализированных кристаллах, да с изысканной огранкой. Конечно, с ними работать проще. Тут, правда, потребуется подсчитать минимальный объём кристалла-передатчика из кварца, но задача не из тех, над которой мои «драконы», – так руководитель группы называл своих лучших расчётчиков, – сломают мозги. За пару-тройку часов справятся. Невелик труд: прикинуть максимум напряжённости по формуле Ромена... Хотя, возможно, стоит поразмыслить об оптимизации формы кварца – и с точки зрения полей, и с точки зрения технологии закрепления кристалла в чугуне...

– Не согласен, – жёстко отрубил высокопочтенный, – нашим контрагентам срочно нужны боеприпасы, так что для начала простейший расчёт, а оптимизация пойдёт второй очередью.

– Значит, сегодня к полудню просчитаем, – хлопнул рукой по спинке кресла Шахур, – и тогда ваша бригада, Харир, начнёт выращивать заготовки, чтобы уважаемые гранильщики могли приступить к работе.

Сафар по традиции хранил сведения о наличных кристаллах и даже имел на этот счёт картотеку.

– Нет нужды, – отреагировал он, – уже имеются заготовки кварца, двадцать восемь штук, длиной до трёх футов, шестиугольной огранки, правда, с разными сторонами шестигранника, и их только осталось нарезать. Вот вам экономия времени.

Дальше обсуждали лишь детали: сама концепция не вызвала отторжения.

Таррот проделал блистательную работу. Офицеры «Морского дракона» были восхищены.

Это чувство виделось обоснованным: со стороны моря вход в пещеру казался обычным гротом, не особо глубоким и уж верно неспособным вместить даже небольшой корабль (не говоря уж об опасности приближения к скальному берегу). Глубина у входа в пещеру оказалась недостаточной (корабль пройти мог, но без малейшего запаса), но дракон исправил это. Пусть не семь, но пять футов под килем там получилось. И, лишь введя корабль в этот грот, рулевой получал возможность увидеть сравнительно узкий боковой проход в самое пещеру. А там даже было подобие узкого пирса и колодца-выхода на поверхность, который, впрочем, увидеть с суши было чрезвычайно трудно: под руководством Неболтая его тщательно замаскировали. Получился обычный бугорок земли.

Восторг господ офицеров от такого убежища был малость омрачён предполагаемыми трудностями проводки корабля в ветреную погоду. Шёберг высказался по этому поводу:

– Владимир Николаевич, а ведь при боковом ветре прижмёт нас к скальному обрыву; как бог свят, прижмет, даже при «Гладкой воде».

– Есть средства противодействия, Иван Андреевич. Движки бокового хода на таких глубинах должны быть эффективны. Но вы правы. Понадобятся учения.

Дополнительной задачей лично для командира было доложить об этой пещере Нахимову.

Адмирал умел думать быстро и точно. Он сразу прикинул, насколько выгодной может быть возможность внезапного появления «Морского дракона» у своих берегов и на коммуникациях. И естественно, вопросы у него появились именно те, которые задал бы любой здравомыслящий моряк:

– Почему вы думаете, что сможете пройти в этот грот при боковом ветре-с?

– Планируете ли разворот в тесных условиях?

– Насколько заметен вход с моря-с? А с суши?

В результате последовал вывод:

– Лейтенант, мне нужно самому убедиться в возможностях вашего корабля. Хочу присутствовать на манёвре входа-с!

– Ваше превосходительство, я бы рекомендовал делать это при свежем ветре, дабы видно было.

– В таком случае, – Нахимов прищурился, – послезавтра. Да-с! Как мне кажется, будет ветер изрядный.

Третья составляющая драконьего вознаграждения была раздобыта с изумительной быстротой. Татарин-пекарь радовался столь большому коммерческому успеху своей продукции среди русских флотских офицеров и даже начал подумывать о расширении производства.

Куда хуже обстояло дело с топазом. Проверка всех окрестных ювелиров показала: голубого кристалла требуемого размера в продаже нет. Его можно заказать... но фактор времени! И лейтенант решил действовать хитрым образом.

Одним прекрасным днём он обратился к командору:

– Малах Надирович, нельзя ли купить у ваших... соплеменников кристаллы?

Выдержка не изменила иномирскому офицеру. Он с вежливой бесстрастностью осведомился:

– Какого сорта и какого размера вам надобны, Владимир Николаевич?

– Один такой, знаете, красивого синего цвета, и чтоб огранка была, а величины вот какой... – размер кристалла был отмерен на пальце, – и ещё один красный, вот такого размера.

– Ага, понятно, первый, выходит, пять наших дюймов, а второй – два с половиной... Я свяжусь с поставщиками, но, полагаю, не ошибусь, если скажу, что через два дня вы их получите за примерно двадцать ваших рублей.

Семаков спрятал улыбку в усы. Вопрос с гонораром дракону был, похоже, близок к решению. Но тут же улыбка погасла. Предстояли учения.

Погода выдалась самой подходящей для того, чтобы расколотить корабль о скалы: резкий, порывистый ост. Сразу же выяснилось, что один человек не в силах одновременно работать со штурвалом и регулировать боковую тягу. Обязанности разделили: за штурвал стал Шёберг, рычагами тяги работал сам командир.

Вопреки ожиданиям, первый заход прошёл практически чисто, но удручающе медленно: два часа двадцать пять минут по корабельному хронометру. Выход из пещеры оказался делом намного более простым: всего полчаса. Надо было лишь хорошенько нацелиться по направлению, а потом дать «самый полный вперёд».

А потом ещё раз те же манёвры. И ещё раз. И ещё. С пятого раза (уже смеркалось) вроде получилось войти сравнительно быстро, меньше чем за час.

Следующий день с самого утра ознаменовался сюрпризом: наряду с Нахимовым к наземному входу в грот прибыли на дрожках адмиралы Корнилов и Истомин. Командир «Морского дракона» подумал, что тут ещё повезло: в экипаже не было мест для большего количества пас-

сажиров. Скосив глаза на своего старшего помощника, Семаков обрёл твёрдую уверенность: тот подумал то же самое.

Большое начальство вслух выразило удовольствие хорошей маскировкой входа – разумеется, после того, как обнаружить таковой не удалось и с десяти шагов. Но гораздо большее удовольствие вызвала сама пещера с пирсом, кранцами, освещением (два иноземных фонаря) и слабо покачивающимся «Морским драконом».

Строй матросов на палубе дружно прорывал приветствие. В не особо просторной, но гулкой пещере звучало внушительно.

Семаков принял на себя командование:

– По местам стоять! Отдать швартовы!

За штурвал стал, разумеется, сам командир. Надо заметить, лейтенант не удосужился дать знать гостям, что «Гладкая вода» была включена сразу по отходе от пирса. Наверное, этого достойного моряка поразила забывчивость.

Выход добавил впечатлений. Гости многозначительно переглянулись, когда после точного прицеливания носом на выход Семаков двинул сразу несколько рычагов, послышался шум, и корабль рванул, как призовой скакун.

– Десять минут, – щёлкнул крышкой брегета Корнилов. – Для столь стеснённых условий похвально, лейтенант.

«Морской дракон» прошёл едва ли три кабельтова, сбросил скорость и начал разворот.

– Лейтенант, как же так: волнение на море, вон «барашки» гуляют, а вокруг вас прямо гладь? – поинтересовался Истомин.

– Грамотное управление энергетическими потоками воды, ваше превосходительство, – ответил Семаков с бодростью, которой он вовсе не испытывал. – С вашего позволения, начинаю манёвр входа. Иван Андреевич, становитесь к штурвалу. Только вдвоём с этим можно справиться, господа. Мичман Шёберг подруливает, я управляю тягой двигателей.

Первая фраза осталась непонятной для контр-адмирала. Он перевёл вопросительный взгляд на Нахимова, на что тот утвердительно кивнул.

Сначала в рубке царило молчание. На самом малом ходу двигатели работали почти бесшумно. Потом раздались команды и реплики:

– Четверть румба к весту! Так держать!

– Сносит, Владимир Николаевич.

– Вижу, увеличиваю тягу ещё на одно деление.

Манёвр входа и швартовки был завершён за рекордное время: сорок девять минут.

Но одним любованием начальство не ограничилось. Корнилов провёл военный совет по всем правилам флота.

– Лейтенант, вы составили план действий?

– Так точно, ваше высокопревосходительство. Базируясь в этом гроте, можно внезапными налётами дезорганизовывать действия вражеских эскадр. По получении новых гранат и пристрелке кормового гранатомёта рассчитываю за одну атаку наносить серьёзные повреждения сразу двум кораблям противника. Однако скрытность наших перемещений считаю важнейшим условием успеха, и потому выходить предлагаю только ночью, так же как и возвращаться.

– Ваше мнение, господин контр-адмирал?

– Поддерживаю план в целом, но считаю, что начинать надо с атаки на эскадру, находящуюся вблизи Евпатории. Они пока ещё там.

– Что добавите, господин вице-адмирал?

– Если наше войско не сдержит неприятеля в его марше на Севастополь, полагаю весьма возможной высадку ещё одного десанта в районе Балаклавы. Сей десант, если состоится, будет много опаснее евпаторийского в плане наступления на Севастополь. Воспрепятствовать тому

«Морской дракон» не в состоянии, а вот заметно ослабить неприятельскую эскадру – весьма возможно-с.

– Ваши аттестации, господа, основательны, но я также опасюсь атаки на Керчь и прорыва вражеских кораблей в Азовское море с целью нападения на тамошние порты. Впрочем, лейтенант, это будут не ваши цели. Основная ваша задача – помогать Севастополю! Вам всё ясно?

Ответ командира «Морского дракона» строго соответствовал уставу – а каким он ещё мог быть?

– У меня есть мысль, и она умная. – В эту фразу Хорот подпустил дозу самоиронии, но очень умеренную. – Если наши покупатели согласятся, мы можем поставить малые гранаты с тем же взрывчатым эффектом, что и большие, разве что осколков от них ожидать не надо. Кристаллы могут быть те же. Против кораблей зажигательный эффект даже важнее, чем удар осколками. Но малых у нас много, и производить их можно в большем количестве. Сверх того, сам гранатомёт проще в изготовлении и легче по весу.

– Я сделаю запрос.

Механик угадал правильно: российские офицеры охотно приняли предложение.

* * *

Войска союзников ещё продвигались к реке Альме, когда до Семакова дошла хорошая новость: иномирцы согласились поставить гранаты в сравнительно большом количестве – сорок штук, и ещё вдвое больше было обещано через неделю. С этим можно было бы не только пристрелять только что собранный кормовой гранатомёт без приступов неконтролируемой жадности, но и выйти на охоту за кораблями противника. Разумеется, Нахимов немедленно выделил средства на покупку.

Но была ещё одна мысль. Ею Семаков не делился ни с кем, даже со своим начартом, хотя по должности тот был лицом весьма заинтересованным. Это были засевшие в памяти сведения о строящихся французских броненосцах – хорошее название придумал Ергомышев! На месте французского адмиралтейства лейтенант ни за что не упустил бы случая опробовать новый класс кораблей против заведомо слабейшего противника. Во всяком случае, там должны полагать российский чёрноморский флот именно таковым. А особенно тревожащей была часть сообщения, в которой говорилось, что и палуба на кораблях этого класса тоже предполагалась бронированной. И это сводило на нет... ну хорошо, пусть сильно уменьшало... зажигательные возможности гранат. Как прикажете поджечь железо? Мачты сбить, как показал опыт, гранатами можно, и даже без особого труда. Дымовая труба... Тут, правда, практики было негусто, но исходя из простой логики вполне допустимо предположить, что даже если её не снесёт взрывами, то уж навверное помнёт так, что тяга в котлах упадёт сильнейшим образом. Это значит, что и без того невеликие скорость и манёвренность броненосцев снизятся до неприличного уровня. Но тогда против «Морского дракона» будут работать корабли прикрытия. Рассчитывать на то, что броненосцы пойдут в бой без всякого сопровождения, было бы неосмотрительно, если не сказать сильнее. Очевидных же тактических схем против эскадры подобного состава у Семакова не находилось. Пока не находилось.

В Севастополе не было лавок, торгующих только книгами. Обычно торговые заведения предлагали покупателям не только печатную продукцию. На прилавке и полках красовались письменные принадлежности, табак в разных видах, подарочные папки и прочее в том же роде.

Покупатель был известен приказчику: мичман Шёберг регулярно покупал газеты. Но на этот раз речь шла скорее о закупке, чем о покупке. Приказчик послал за владельцем лавки, поскольку размер сделки, к вящей радости купца, впору было измерять в пудах, а не руб-

лях. Если быть точным, то флотский ухитрился набрать книг на два с половиной пуда. Отобранными оказались все названия изящной литературы, какие только нашлись. Мичман также выгреб все гимназические учебники. Сомнение у него вызвал лишь толстенный и тяжеленный, бог весть как затесавшийся на полку *Handbuch des Maschinenbaus*¹, да и то по причине языка оригинала. Книга выглядела немалой даже в могучих руках Шёберга. Он повертел её, глянул на год выпуска – совсем новый справочник, пятнадцати лет ему не было. Видимо, на выбор появляла также истинно немецкая дотошность издания. Иллюстрации тоже были хороши. Короче, Шёберг решился прихватить и этот том, хотя цена его была немалой даже по меркам Санкт-Петербурга, не говоря уж о Севастополе.

Правда, осторожный моряк сделал оговорку: дескать, если книга не подойдёт, то он её вернёт в течение трёх дней. Но купец пребывал в такой эйфории от продажи, что легко согласился на это условие.

Шёберг угадал. Тифор Ахмедович, принимавший товар (предполагалась пересылка его на Маэру), сначала не был настроен на покупку немецкой книги. Потом, узнав, что носителя такого языка найти нетрудно, задумался. Видимо, ему в голову пришла некая позитивная мысль, потому что рыжий магистр спросил:

- Иван Андреевич, как вы полагаете: Владимир Николаевич владеет этим языком?
- Конечно.
- А Михаил Григорьевич?
- Разумеется.
- А вы сами?
- И я тоже.
- Понятно, благодарю вас.

Тифор не сомневался, что один из офицеров согласится обучить маэрцев немецкому языку – с помощью магических методов, понятно, – включая сюда умение говорить, читать и писать, хотя и медленно. Мариэла вполне могла справиться с такой задачей. На безупречное произношение магистр не рассчитывал: подобная работа была бы на уровне не магистра, а доктора магии разума. К тому же разговор с носителем этого языка виделся маловероятным. Мичман не имел понятия о таком подходе к изучению иностранных языков, и, по мнению весьма почтенного, разрешение на просвещение Шёберга в этом вопросе мог дать лишь Семаков.

---

¹ Справочник по инженерному делу (нем.).

Глава 2

К началу сражения при реке Альме российский флот располагал фактором, который пока что не учитывался в тактических замыслах союзников. Этот фактор звался «Морской дракон», и он вышел в боевой поход.

Накануне два гранатомёта были полностью пристреляны с использованием учебных мишеней. К счастью, ветер хотя и уменьшился, но не до штиля, и потому сигнал от волн имел достаточную интенсивность для отладки само-прицела.

Естественно, разведкой лейтенант Семаков не пренебрёг. Дракон отметил передвижение флота в восточном направлении, то есть к Севастополю. Информация о положении дел на суше была менее подробной, но её предоставили другие источники. По всему выходило, что эскадра союзников собирается поддержать из орудий правый фланг экспедиционного корпуса.

Не нужно быть великим стратегом и знатоком тактики, чтобы понять, где именно может состояться бой. Река Альма объективно являлась для русской армии наивыгоднейшим местом для этого.

Глубокой ночью «Морской дракон» малым ходом – никто не должен был не только увидеть, но и слышать – вытянулся из безымянного грота у мыса Херсонес. Семаков нарочно направился в открытое море курсом зюйд-вест: там почти наверняка отсутствовали недружественные глаза. Желая побережь ресурс движков, командир приказал вплоть до особого распоряжения держать десять узлов по лагу.

Рулевой Шальнов несколько напряжённо держался за рукоятки штурвала. Дело было для него не вполне знакомым. Правда, имелся некоторый опыт рулевого на пароходофрегате «Одесса», но тут ощущение в руках было совершенно иным. Впрочем, при выборе кандидата на должность рулевого не в последнюю очередь приняли во внимание небольшой рост и худощавость Шальнова. При подаче тяжёлых гранат толку от этого коротыша было куда меньше, чем от его здоровенных товарищей.

Вторым в рубке был мичман Шёберг.

– Ваше благородие, вроде туман собрался густеть, – осторожно заметил рулевой. – Не выскочить бы нам...

– Не выскочим, до берега далеко, и вокруг никого, – проворчал вахтенный офицер, почему-то глянув себе на ладонь.

Прошло ещё полчаса. «Морской дракон» шёл всё с той же скоростью десять узлов.

Мичман бросил короткий взгляд на хронометр:

– Пора, братец. А ну: право на борт, курс норд-норд-вест! Так держать!

Про себя Шальнов удивился быстроте поворота. Но, разумеется, до языка эта эмоция не дошла.

А ещё через час в рубке появился командир. И тут же последовал доклад вахтенного офицера:

– Владимир Николаевич, есть неустойчивый сигнал. Точно на норд, дистанция не менее двадцати миль. Минут через десять...

Шёберг не договорил, но Семаков понимающе кивнул.

Мичман спрогнозировал точно: именно через это время даже сквозь туман стало доноситься глухое: бух... бух-бух-бух... бух-бух... бухххх... а серебряный прибор начал недвусмысленно указывать направление.

– Похоже, неподвижные они. На якорях стоят, что ли?

– Очень возможно, Иван Андреевич.

– Так что, выходит, перестрелку ведут с береговыми батареями? – небрежно спросил Шёберг.

– По диспозиции нет там береговых батарей. Это неприятельский флот работает по нашим войскам на Альме.

– Туда ещё полчаса идти. Туман успеет развеяться.

– Но уж на пять миль подойдём. Сдавайте вахту, сразу же дайте знать Михаилу Григорьевичу и прикажите трубить боевую тревогу.

– Вахту сдал.

– Вахту принял.

Боцманская дудка дала чуть глуховатый сигнал. Матросские ноги загремели по палубе. Комендоры разбежались по постам, а в трюмах подносчики гранат застыли в готовности. В лотках обоих гранатомётов, как по волшебству, появились тёмно-серые гранаты.

В рубке появился идеально выбритый лейтенант Мешков в безупречно выглядящем мундире. Командир за пару минут объяснил начарту положение дел. Тот, в свою очередь, стал раздавать распоряжения уже по своей части:

– Комендоры, не палить без приказа! Целиться на высоту пять сажен выше мачт, смещая прицел каждый раз тоже на пять сажен. Пять гранат на корабль. Больше потратить разрешаю, только если какая-нибудь из гранат не взорвётся...

Наличные боеприпасы на «Морском драконе» позволяли истратить пару дополнительных гранат, лишь бы наверняка поразить цель. Впрочем, лейтенант Мешков тут же отдал должное осторожности:

– Кроев! Не забывай считать боеприпасы!

– Обижаете, вашбродь... – ворчливым голосом отозвался из трюма боцман.

Туман рассеивался прямо на глазах.

– Через пять минут мы их увидим, – делано-нейтральным тоном сообщил Шёберг.

Имелось в виду: «Нас увидят». Все офицеры в рубке поняли недосказанное.

На этот раз мичман ошибся: на «Морском драконе» не видели противника ещё, самое меньшее, с десятков минут. Зато потом...

– Неприятельская эскадра на якорях! – заголосил сигнальщик.

Он мог бы и не утруждать горло: её заметили все. Командир дослал вперёд рычаги форсажа и двигателей. «Морской дракон» приподнял нос и пошёл в атаку.

К огромному удивлению всех, в том числе матросов и унтеров, на кораблях союзной эскадры орудия на бортах, противоположных берегу, с очевидностью заряжены не были. «Морской дракон» заложил поворот, выходя на курс, параллельный строю вражеских кораблей.

– Носовой гранатомёт, целиться по линкору, который третий слева. Кормовой – по четвёртому. Задай им жару, братцы! Давай!

Сказано было не по уставу, но команду поняли мгновенно.

Уже знакомые огненные шары полыхнули над палубой первого линкора. Князь машинально отмечал: «Первая граната лопнула на уровне топа бизани, вторая – на пятнадцать сажен ниже, похоже, сигнальщиков сдуло с фор-марса... Третья тоже низко, не выше грот-марсеся... А ведь и грот-мачты уже нет...»

– Стой, Патрушев!!! Дробь!!! – заорал начарт во всю силу. У него были основания для этой команды.

Первая же граната от кормового гранатомёта взорвалась не в воздухе, а на палубе. Результат заставил ахнуть тех, кто его увидел.

Патрушев и заряжающий Шумило позже клялись, что борта линкора у кормы раздуло от взрыва («Ну, как лягушку надули через соломинку»). Может, так оно и случилось, но свидетелями только эти двое и были: они глядели в тот момент на второй линкор, а большинство и в рубке, и на палубе смотрело на результаты действия носового гранатомёта. Как бы то ни было, обшивка продержалась крайне недолго. Она разлетелась крупными кусками вплоть до ватерлинии. Воды Чёрного моря хлынули потоком в трюм. Вот это заметили уже все.

Нижние чины на палубе заорали «Ура!». Трюмные люки поддерживали матросскими головами. Сигнальщик Мягонький сорвал с себя бескозырку с явным намерением подбросить её вверх, но, видимо опасаясь, что головной убор может потеряться, стал просто размахивать им, сопровождая это действие воплем:

– Утопи-и-и-ли-и-и!!!

Командир хотел было отдать команду: «Всем вниз!», но передумал. В ней не было нужды.

Нельзя сказать, чтобы дерзкое нападение оставили без внимания. Обстрел русских позиций мгновенно прекратился, артиллеристы перебежали к другому борту и стали поспешно заряжать и наводить орудия. Но было уже поздно. До ближайшего корабля противника было чуть менее трёх морских миль, когда борта эскадры союзников окрасились белыми дымами. Семаков позволил себе злорадную ухмылку: ядра легли с позорным недолетом.

– Лотки дополнить до пяти гранат! А потом разрешаю подняться наверх и поглядеть.

Подносчики работали с невиданной скоростью. Все боялись опоздать и упустить зрелище. Однако опасения оказались беспочвенными.

Громадный линкор садился кормой. Рядом с ним полыхал пожар на жертве носового гранатомёта. Комментарии так и сыпались:

– Не жилец... эка он воду глотает...

– Это что ж, брат, ты его с одной гранаты?

– Нет, с двух, но вторая, значит, была зря. Корма-то уже пошла на щепочки...

– А первый знатно горит.

– Смолёная палуба, как не гореть. Опять же мачты сшибло к разэтакой и растакой...

В разговоры вмешался начарт:

– Это, братцы, нам всем повезло, хорошо легла граната.

В ответ на правильное, в общем-то, замечание лейтенанта матрос Плёсов пробормотал:

– Зубастому, похоже, удача ворожит.

Сказано было очень тихо, услышали только рядом стоящие, но очень скоро эта похвала командиру, разносимая шёпотом, стала известна всем нижним чинам. И оспорить её никто не пытался.

В рубке же говорили об ином.

– Михаил Григорьевич, они, как мне кажется, с якорей снимаются.

– Точно, так и есть, Владимир Николаевич, и сдаётся мне, что повторная атака может стать очень опасной. Уж на сей раз готовность у них будет на ять. Пойдут в галфвинд, опять же.

– А если дистанцию побольше?

– Не успеем... разве что приказать комендорам бить по одной цели. И тут же разворот.

Семаков задумался на кратчайшее мгновение и принял решение.

– Подносчики, в трюм! Находиться в готовности! Право на борт! Курс ост-зюйд-ост!

Рулевой немедленно выполнил команду. «Морской дракон» шёл параллельно фронту вражеской эскадры. На лаге стрелка подрагивала возле отметки «25».

– А теперь на восемь румбов к норду!

Корабль послушно лёг на новый курс. Командир двинул рычаги. Двигатели зашумели чуть громче.

В свою очередь принялся раздавать команды старший артиллерист:

– Комендоры, к гранатомётам! Целиться по одной цели, на которую укажу. Более пяти гранат на орудие не тратить!

Когда до ближайшего корабля союзников оставалось чуть более двадцати пяти кабельтовых, обстановка сделалась предельно ясной. Два корабля отстали и, судя по всему, пытались спасти тех, кто выжил на попавших под обстрел линкорах. Остальные двинулись фронтом на обидчика.

Семаков мимоходом подумал, что при достаточном сближении он на месте командующего эскадрой повернул бы по ветру. Такой манёвр мог пройти быстро и давал возможность для хорошего бортового залпа. Командир мгновенно принял решение: рисковать нельзя. Бросил взгляд на лейтенанта Мешкова. Тот отлично понял и загремел:

– Комендоры, целиться по крайнему справа! Пали, братцы!

Про себя князь отметил: дистанция очень уж велика, возможны промахи, и потому считал отдельно взрывы и отдельно – характерный лязг затворов. Картина складывалась не вполне радостная.

– Одна не взорвалась... Вторая тоже... Третьей вцепил, фок-мачты уже нет, четвёртая опять впустую... Пятая есть, уже ни одной мачты не уцелело... шестая мимо... Седьмая есть, и дымит изрядно... Восьмая мимо... Девятая... Десятая точно грохнула.

Он ещё считал, а движки зашумели по-иному: корабль снова заложил поворот. Вдгон летели ядра – и не долетали.

– Гори-и-и-ит! – пропел Мягонький. Голос сигнальщика не отвечал оперным требованиям, но почему-то в тот момент никто не посчитал его противным.

– Кроев, боеприпасы!

– Шсят осьмь всего осталось, вашбродь, из них десять больших! – последовал ответ из трюма.

– Ещё бы одну атаку, Владимир Николаевич, а? – вкрадчиво поинтересовался мичман.

Ответ был дан самым мрачным тоном:

– Не успеем.

– Куда?

– На нашу стоянку. Все видели, какой курс те взяли?

– На ост... как мне показалось.

– Верно, господа, на ост. То есть по направлению к Балаклаве.

– Думаете, займут Балаклавскую бухту, Владимир Николаевич?

– Или Камышовую. Нам надо опередить, не то заметят манёвр входа в грот. Но похоже, мы нашим солдатам всё же помогли.

Это было правдой. Очень многие в русском войске видели вспышки взрывов, а уж слышали их просто все. Уход вражеской эскадры тоже не остался незамеченным.

Двое молодых и самоуверенных лиценциатов из группы теоретиков с азартом трудились над задачей блокировки влияния негополя. Они были твёрдо убеждены, что задача поддастся решению. В конечном счёте ребята оказались правы (теоретически). Результат был доложен на очередном собрании группы высокопочтенного Сарата.

– ...Таким образом, предлагаемый подход даёт основы для решения задачи устранения негаторского воздействия. Его достоинством мы считаем полную универсальность. Наш метод годится для любого индивида. Однако следует признать, что для его реализации требуется соответствующий кристалл с высочайшей плотностью полей. Иначе говоря, алмаз... – Говоря это, докладчик осторожничал. Он предполагал, что фианиты могут заменить алмазы, но уверен в этом не был, впрочем, как и прочие присутствующие. – И ещё одним недостатком изложенного подхода является необходимость подгонки структуры заклинаний под индивидуальные особенности телосложения негатора.

Все собрание без труда сделало вывод: в отсутствие самого негатора практическая реализация теоретических построений совершенно невозможна.

– Кто желает выступить? – спросил председательствующий, уже видя, что желающих будет мало, если таковые вообще найдутся. – Никто? Тогда скажу я. Для начала считаю долгом поблагодарить достопочтенных Линара и Ратхина за отличную работу...

На лице обоих лиценциатов расцвели сдержанные улыбки.

– Также думаю, что нет нужды продолжать цепь их рассуждений. Уверен, вы все, господа, уже это сделали. Согласен с вами: в условиях Маэры нельзя практически реализовать изложенный метод.

Никто не запросил дальнейших разъяснений.

В тиши Балаклавской бухты разразилась гроза. Её устроил на военном совете адмирал Гамелен.

Продолжая аналогию, можно сказать, что сперва обстановка была просто предгрозовой. Сверкали не молнии, а зарницы, а гром казался отдалённым. Это было вполне объяснимо, ибо для начала адмирал потребовал факты. Обзор от французского флагмана был неплох, но недостаточен.

Гамелен внимательно выслушал рассказы ответственных и понимающих дело очевидцев. Выступило трое командиров кораблей: двое англичан, один француз. Турок на совещание не пригласили: во-первых, среди англичан и французов ни Турция как морская держава, ни турецкие моряки не котиrowались; во-вторых, почему-то ни один корабль Османской империи до сих пор не пострадал от атак загадочного русского.

Факты выглядели удручающе. Наглый корабль крошечного водоизмещения налетел, сжёг два корабля, взорвал третий и безнаказанно удрал.

И тут гроза ударила во всем блеске и громе. Адмирал Гамелен обвинил командиров погибших кораблей в некомпетентности и нерешительности. Иначе говоря, покойные действовали слишком медленно и к тому же неправильно. Закончилась же его речь следующим пассажем:

– А хуже всего – прозвучавшая сейчас мысль: нам решительно нечего противопоставить противнику! Что на это скажете?! – Адмирал обвёл кают-компанию своего флагмана бешеным взглядом. Почему-то ему показалось, что коммодор Фрэнсис Скотт усмехается. Это было прекрасным поводом для разноса ещё одного офицера. – Вот вы, месье Скотт! Вы улыбаетесь, будто знаете нечто умное. Сделайте милость, доведите вашу мудрость до нас всех!

Капитан «Одина» метнул взгляд на своего адмирала. Тот, казалось, обратился в статую. Брать слово Скотту не хотелось, но...

– Джентльмены, обращаю внимание на некоторые обстоятельства атаки русского корабля. Первое: из-за тумана он был поздно замечен. У нас просто не было времени сниматься с якорей, поднимать пары, ставить паруса. Именно это было причиной запоздания в манёврах. Второе: растянутость нашего фронта, что позволило русскому атаковать один фланг, не опасаясь ядер с противоположного. Третье: русский капитан, имея все условия для повторной атаки, отказался от неё и ушёл на зюйд. Отсюда следуют выводы...

– Мистер Скотт, вы изложили факты. Выводы могут сделать и без вас, – прервал адмирал Дандас ледяным тоном.

– Отчего же, месье адмирал, – вдруг пустился на защиту чужого капитана Гамелен, – мысли коммодора Скотта могут представлять интерес. Прошу вас, продолжайте, месье.

– Благодарю, сэр. Так вот, по первому факту: в будущем надлежит всеми силами стараться избегать внезапного нападения. Для этого рекомендую ставить малые корабли дозором, то есть мористее якорной стоянки основной части эскадры. Расстояние – не менее мили. Сигнал тревоги передавать фальшфейерами. Также предлагаю использовать заградительный огонь. Пусть мы потратим впустую заряды и ядра, но это обойдётся дешевле потопленных кораблей.

Часть командиров кивнула с одобрительным видом.

– Второй вывод: коль скоро русский корабль имеет преимущество в скорости и манёвренности, его надо лишить этого перевеса. Расположившись в бухте, мы уменьшим его шансы на успешную атаку...

На этот раз ответом слушателей были не только кивки, но и одобрительные замечания, сделанные вполголоса.

– Что же до третьего изложенного факта, то я исхожу из моего опыта боестолкновений именно с этим русским. Каждый раз он, имея все условия для повторной атаки, отказывался от неё. Наиболее вероятной причиной этого полагаю осторожность командира. Тем более печальный опыт у него есть: в прошлом бою его корабль получил повреждения и простоял по этой причине в ремонте не менее двух недель. Но также могу предложить ещё одно объяснение: боезапас на этом корабле весьма ограничен. Если в ходе боя удастся уменьшить скорость хода этого корабля, то при растроченном боезапасе он может стать лёгкой добычей. Предлагаю держать под полными парами хотя бы один корабль эскадры из самых быстроходных. Шансы, признаю, невелики, но упускать даже такие не стоит.

Никаких возражений не последовало.

– И ещё одно предложение: любой корабль нуждается в базе. Русскому требуется пополнять запасы топлива, каким бы оно ни было; то же относится и к боеприпасам. Предлагаю организовать нападение прямо у пирса...

Теперь шум аудитории носил скорее удивлённый, чем поддерживающий характер.

– ...для чего попросить помощи у турецкой разведки. Те, как вы знаете, имеют некоторые возможности в Крыму.

Последовал ещё один обмен взглядами.

– Кто ещё желает высказаться?

На этот раз обсуждение было намного оживленнее. Предлагали, в частности, применять против русского бомбы с укороченными трубками, чтобы те взрывались в воздухе и давали таким образом шанс поразить заведомо тонкую обшивку противника осколками. Предложение одобрили. Прозвучало требование усилить вахты сигнальщиков. И это тоже прошло. Под конец слово взял адмирал Брюи.

– Господа, – произнёс он веско, – у Франции скоро будет средство борьбы с этой русской новинкой. – Последовала эффектная пауза. Собственно, оратор в ней не нуждался: слушали его и так внимательно. Англичане чуть поморщились: более чем прозрачный намёк на техническую отсталость Королевского флота был крайне неприятен. Фразы вылетали из французского адмирала, как тяжёлые снаряды из пушечных жерл: – В Тулоне строятся три корабля, закованные в стальную броню. Их бортовой обшивке толщиной сто десять миллиметров ядра нипочём. Также у них будет стальная палуба. Её нельзя разбить или поджечь. Нужно лишь потребовать от наших славных кораблестроителей не оставлять ничего горючего наверху. В частности, представляются излишними мачты и парусное вооружение. Вооружены эти корабли будут бомбическими орудиями Пексана...

И снова английские капитаны позволили себе лёгкое выражение неудовольствия. Эти артиллерийские системы стояли и на английских кораблях, но создал их французский инженер.

– ...Так что предлагаю по окончании постройки этих кораблей запросить их перевод в Чёрное море. Отмечу, что и для береговых батарей они будут грозным противником.

Гамелен одобрительно кивнул. Идея выглядела стоящей.

Адмирал Дандас явно испытывал недобрые чувства к выскочке Скотту, но высказывать их вслух не стал. Анализ и предложения этого безродного капитана и вправду выглядели толковыми.

Расчёт Семакова оправдался: «Морской дракон» успел проскочить на стоянку незамеченным. Матроса Мягонького отрядили подняться и «поглядеть, как там вокруг». Острое зрение сигнальщика никого не обнаружило. Но следует заметить, что посторонних и в самом деле не было.

Сигнальщик чуть слышно свистнул в колодез вход. Оттуда быстро поднялся весь экипаж. Матросы, подчиняясь тихому рычанию унтеров, старались шуметь как можно меньше. Оставив вахтенных, они вместе со всеми офицерами направились в Севастополь. Исключением стал командир: он решил навестить дракона в его пещере, рассудив, что рапорт Нахимову может минут пятнадцать и подождать.

В пещере дракон был не один, а с Тифором. Тот нарочно не включал на полную мощность светильник, опасаясь демаскировки, но даже при тусклом освещении на лице рыжего магистра была заметна озабоченность.

После надлежащих приветствий Тифор начал объяснять:

– Владимир Николаевич, мы получили от своих личные письма, а также материалы и указания с просьбой сделать сложный расчёт, в котором мне любезно согласился помочь Таррот Гарринович.

Магистр не стал уточнять, с какого рода материалом (имелся в виду тот самый негранный алмаз) и с какими расчётами иномирцам предстоит иметь дело. Семаков, в свою очередь, не потребовал объяснений, хотя ему было любопытно. Его больше взволновал другой вопрос: как эта новая обязанность дракона может повлиять на возможность продолжать воздушную разведку. Вслух прозвучало:

– Таррот Гарринович, имеются данные, что эскадра противника сосредоточилась в Балаклавской бухте... где там карта?.. Здесь то есть. Это недалеко, как видите. Будет ли у вас возможность совершать разведывательные полёты?

Дракон сделал движение гребнем; как и прежде, значение этого жеста осталось неясным.

– Думаю, полёты возможны, Владимир Николаевич. Этой же ночью постараюсь получить для вас сведения.

– Благодарю, Таррот Гарринович. Но постарайтесь соблюдать осторожность. Честь имею, господа!

– Одну минуту, Владимир Николаевич. Мы с коллегой, – Тифор учтиво наклонил голову в сторону крылатого, – ещё задержимся. Могу ли я попросить вас передать письма нашим товарищам?

– Конечно же. Мне это не составит труда.

Эскадра отстаивалась в Балаклавской бухте. Все меры предосторожности были приняты.

Адмиралы ждали от сухопутных войск победы – и дождались. Исход сражения на суше был предreshён ещё до его начала. Слишком уж велик был перевес союзников – и в численности войск (почти вдвое), и в вооружении. Однако оно прошло не вполне так, как задумывалось в англ о – французском штабе. Потери российской армии оказались меньше, чем могли быть. История вздрагивала, кренилась – и всё же шла по проложенному пути.

Глава 3

Мариэла прочитала письмо, адресованное лично ей, и слегка нахмурилась. По кратком размышлении она решительно вышла из дому. Рядом постоянно околачивались местные мальчишки, резонно ожидая, что эти немцы вполне могут нанять кого-то из них для небольшого поручения: записку оттащить, к примеру. Именно такой юный трудящийся и подскочил к молодой барыне по её знаку.

– Чего изволите?

– Где пластуны находятся, знаешь?

– Как не знать! Можем мигом отыскать!

– Сыщи хорунжего Неболтая и передай ему записку, вот она. – Вместе со сложенным листом бумаги в ладонь мелкого порученца нырнула медная копейка.

В записке значилось следующее: «Тихон Андропович, приходи в наш дом. Получены новости по тому делу, что обговаривали. М.».

Прочитав записку, казак вознаградил мальчишку ещё одной копейкой, велел вернуться к немецкой барыне и передать на словах, что, дескать, господин хорунжий всё сделает, как просят.

Неболтай появился в доме иноземцев, когда уже стемнело. Разумеется, он вежливо осведомился о здоровье присутствующих, о загруженности работой, и, наконец, наступило время для разговора. Хорунжий даже не спросил, просто бросил вопросительный взгляд.

Судя по лицу магистра магии жизни, новости были не из хороших. Слова это подтвердили.

– Плохо дело с учебниками, которые ты хотел, Тихон Андропович. Мне не разрешено брать их надолго на своё имя: библиотекари знают, что этот курс я давно сдала. Снять копию тоже нельзя: книги от этого защищены. Я бы свои тебе одолжила, да вот беда: я их почти сразу по окончании курса продала, деньги были нужны. А купить трудновато. Я подсчитала: нужный набор обойдётся на ваши цены рублей этак в триста.

Неболтая выдала как раз его полная невозмутимость. Новость и в самом деле была из разряда скверных, но показать свою реакцию казак не хотел.

– Но, Тихон Андропович, не теряй надежды, – продолжила молодая женщина. – Есть... кхм... обходные пути. Неболтай сдержал улыбку.

– Выходит, и у вас их пользуют?

Мариэла откровенно усмехнулась:

– Ещё как!

Нахимов слушал доклад подчинённого с меньшим, чем обычно, вниманием. Причина тому была проста: большую часть сведений (а также забот) адмирал уже получил. В частности, он знал о потоплении двух линейных кораблей и фрегата противника, в связи с чем и выразил особенное удовольствие лейтенанту Семакову. В добавление к этому было сказано:

– Представление на Владимира с мечами мной уже отправлено, равно на повышение вас в чине. И не забудьте представить ваших подчинённых!

Напоминание было излишним: соответствующий список уже был составлен и аккуратно перебелен.

– За этим дело не станет, Павел Степанович. Вот, дозвоьте вручить.

– Однако на сём, Владимир Николаевич, благостные известия заканчиваются. Наши войска принуждены были отступить от Альмы с потерями-с. Неприятельская армия продвигается в обход Севастополя. А эскадра союзников прошла в Балаклавскую бухту... Чему вы улыбаетесь? Смешного тут не вижу-с!

– Осмелюсь доложить, Павел Степанович: сие перемещение мной вычислено было заранее.

– Успешные действия неприятеля – не повод для шутовства!

Командир «Морского дракона» немедленно догадался: у Нахимова имеются и другие, ещё более скверные известия, оттого он и пришёл в раздражение. Но наружу, понятно, эти мысли не вышли.

Адмирал взял себя в руки и почти спокойным тоном спросил:

– Владимир Николаевич, какой у вас план действий?

– Павел Степанович, насколько помню, Балаклавская бухта весьма узка, и в ней «Морской дракон» будет лишён преимуществ в манёвренности и в скорости хода. Много мы там дел не наделаем, но попробовать можно. Также вполне возможно пощипать снабжение неприятеля. Топить транспорты. Лишить возможности подвезти подкрепления, лошадей, порох, ядра... да всего, что требуют боевые действия!

Нахимов ответил не сразу. Подчинённый чуть ли не кожей почувствовал колебания начальника, даже успел этому удивиться (уж эта черта для адмирала была совершенно не характерна). Потом с видимым усилием Нахимов произнёс:

– Владимир Николаевич, должен вас предупредить, что есть некоторая вероятность... хочу сказать, что, возможно, остальной флот никакой помощи вам оказать не сможет. Никакой.

Ещё в гардемаринские времена Семаков не числился в тугодумах. Должность командира особо быстроходного корабля тоже не способствовала развитию замедленности мышления. Он мысленно дополнил то, что так и не прозвучало: вражеская армия осадит Севастополь, русская армия этому помешать не сможет и вынуждена будет отойти. И бремя защиты ляжет на моряков. Экипажи снимут на сушу... а кто останется на кораблях? То-то и оно.

– Осмелюсь доложить, Павел Степанович: возможно некоторое содействие моряков с «Морского дракона» на сухопутном театре военных действий. Надеюсь, мы сможем приобрести у наших... кхм... контрагентов дополнительные гранатомёты. Ради обороны от войск неприятеля, так и быть, отдам лучших своих комендоров. Но с условием!

Нахимов поднял брови. Последние слова произнесены были жёстко. А в разговоре со старшим в чине даже чересчур жёстко. Но тут же последовало разъяснение:

– Командовать ими будет не сухопутный офицер-артиллерист, а мой второй помощник мичман Шёберг или первый помощник лейтенант князь Мешков. Только они могут использовать все возможности гранатомётов. Подносчиков гранат возможно набрать из других экипажей, тут особых умений не надо.

Лейтенант схитрил. Прекрасно понимая, что обучить сухопутного артиллерийского офицера особого труда не составит, он заранее отводил армейским роль просителей. Нахимов же на эту просьбу лишь слегка кивнул. Возможно, он догадался о её скрытом смысле, но никак этого не показал.

И тут в памяти Семакова всплыла неоднократно виденная им карта окрестностей Севастополя, и у бравого офицера появилось нехорошее ощущение холода в животе. Ну да, есть вероятность, что вражеские позиции окажутся вблизи мыса Херсонес, и тогда прощай возможность незаметного выхода корабля из пещеры. И ещё того хуже: появится риск обнаружения портала, если им будут пользоваться.

Вслух Семаков высказал нечто другое:

– Если позволите, добавлю, Павел Степанович: нам понадобится заказать специальные гранатомёты для сухопутной пальбы. Они проще: не понадобится самоприцел, который наводит ствол на вражеские корабли. Также считаю нужным закупить самый большой запас гранат, какой только нам смогут поставить.

Обсудив с младшим офицером подробности возможных действий «Морского дракона», Нахимов ещё раз выразил уверенность, что лейтенант с божьей помощью выполнит свой долг

надлежащим образом. Семаков же из приёмной адмирала направился напрямик к иномирцам. У него накопилось немало вопросов, предложений и просьб.

Сразу же по приходе выяснилось, что и контрагенты накопили некоторое количество дел. А так как лейтенант Семаков был настоящим офицером, первое слово было предоставлено даме.

– Владимир Николаевич, вы, если не ошибаюсь, говорите по-немецки, по-французски и по-английски?

– Да, Марья Захаровна, однако вынужден признаться: мой английский не столь хорош. Я начал изучать его лишь в Морском корпусе, оттого произношение... сами понимаете.

– Очень понимаю. Как насчёт запаса слов?

– Тоже беднее в сравнении с французским и немецким. Больше по морской тематике...

– А князь Мешков?

– У того как раз английский много лучше, в доме у его отца жил гувернёр-британец, а вот с немецким нелады. Положение, сходное с моим.

– Тогда хочу у вас заказать быстрое обучение немецкому и французскому, это два часа работы. Оплачу, само собой.

Ответом были галантная улыбка и слова:

– Сударыня, с вас не возьму ни копейки. С расчётом, прошу заметить, на будущее.

Мариэла возвратила улыбку:

– Ваш расчёт, сударь, весьма дурен: мои услуги вообще-то куда дороже обучения языку, даже двум. Но с вас, в свою очередь, и медяка не возьму.

В ответ Семаков приложился к ручке. Он ещё не успел согнать улыбку с лица, как в разговор вмешался Тифор, в отличие от Мариэлы, с самым серьёзным видом:

– Это не всё. Мы хотим попросить у вас откомандировать унтер-офицера Синякова в наше распоряжение на срок от месяца до полугода. Не сейчас, а недели через две-три.

Семаков быстро разобрал в уме варианты и ответил самым нейтральным голосом:

– Не имею права, Тифор Ахмедович. Он на морской службе и не под моим началом. Может подать в отставку; вот в этом случае – другое дело, тогда Синяков вправе работать, на кого сам захочет.

– В таком случае не смогли бы вы мне устроить встречу с сударем адмиралом Нахимовым? Ведь Синяков у него в подчинении?

– Извините, напомню: словосочетание «сударь адмирал» у нас не принято. Могу предположить, что Павел Степанович может заинтересоваться, зачем он вам нужен.

– Это вы меня извините. Привычка. Как забываю за языком следить, так оно само... Готов сразу ответить на возможный вопрос господина адмирала. Мы хотим изучать эффект негации магии на этом человеке. В нашем мире таких, как он, нет, сами понимаете.

– Я передам вашу просьбу.

Магистр продолжил:

– Сверх того: когда у вас найдётся время, я хотел бы с вами поговорить. Желательно до вашего разговора с Павлом Степановичем. Ему и вам надо кое-что знать.

– Думаю, время как раз найдётся. Если верить шторм-глассу... – Тут лейтенант увидел непонимание в глазах собеседников и поспешил уточнить: – Это такой закрытый стеклянный сосуд, на вид содержимого которого воздействует изменение погоды... Так вот, надвигается большая непогода, и мы, вероятно, не сможем выйти в море.

Наверное, единственным, кто понял до конца мысль лейтенанта, был капитан Риммер. Он на месте командира «Морского дракона» тоже поопасался бы выходить из грота в шторм.

Семаков продолжил:

– Но и это не всё. У нас будет заказ...

* * *

– Что ж, господа, слушаю ваши доклады о достижениях. – Именно этими словами начал Сарат очередное заседание своей группы.

Видимо, участников разом поразила скромность в острой форме. Только этим можно объяснить, что никто не рванул палец вверх и не обратил на себя внимания криками: «У меня есть! У меня достижения! Прошу выслушать!»

Под ласковым взглядом председательствующего поднялся магистр Харир:

– Нам удалось чуть увеличить максимальный размер кристалла фианита. Однако таковой всё же не соответствует заданным параметрам. Поэтому пока не считаю нужным докладывать.

Неожиданно для всех поднял палец мастер-механик Хорот:

– У нас новый заказ. Точнее, заказы. Два гранатомёта двойного действия; это почти та же модель, что мы поставляли в последний раз. Разница состоит в том, что не предусматривается установка самоприцела, поскольку планируется исключительно сухопутное применение. Ещё одно отличие заключается в щите. Заказчик настаивает на толщине листа металла в три наших дюйма. И как можно больше гранат. Предоплата уже произведена.

Председательствующий благожелательно кивнул: претензий к оружейнику не было и быть не могло.

– Шахур?

– Была одна малая проблема, мы её устранили. Ни нас, ни наших контрагентов не устраивала форма портала. Мои «драконы» пересчитали поля с другой конфигурацией, и теперь можно без труда посылать сквозь портал книги. Кстати, часть нам уже прислали. Правда, имеется одна книга огромного объёма – это нечто вроде сборника полезных советов для механика, и её можно переслать лишь по частям, в портал существующей площади она не проходит. Кроме того, Мариэла прислала сопроводительную записку, в которой указала: книга эта написана на языке, который никто из наших соотечественников, кроме неё самой, не знает. Поэтому я своим решением приказал отложить пересылку означенной книги. Далее: начата прикидка по телетранспортировке негатора в Маэру. Разумеется, после того, как добудем нужный кристалл. Отмечаю: сам он пока что согласия на такую командировку не дал. Переговоры на эту тему ещё предстоят. Особо отмечаю интересное обстоятельство: мы привлекли Таррота к этой работе, и опыт показал, что длительные расчёты дракон выполняет быстрее человека. Объяснение этому мы видим в великолепной памяти драконов вообще; в частности, Таррот не делает никаких промежуточных записей.

– Мастер Валад?

– На сегодняшний день мы можем выдавать по двадцать больших гранат в день. С малыми никаких проблем, можем хоть по пятьдесят делать. Прямо сейчас готовится дополнительная партия кокилей, по их готовности производительность литья увеличится. Запланировано производство сорока больших в день.

– А если понадобится больше?

Специалист по металлу слегка замялся:

– Ну... есть возможность... но это к особо почтенному Тороту. Трансформация слитка в гранаты – это по его части. Однако стоимость таких гранат, конечно, будет больше.

– Значит, в случае необходимости заказчик доплатит за срочность.

Война выдала значимое количество раненых с Альмы. Мариэлу пригласили к Пировову. У того находился незнакомый ей мужчина, в светлых глазах которого читалось нескрываемое любопытство. Видимо, его предупредили о чуде из чудес: женщине-враче с неслыханными умениями.

– Добрый день, Марья Захаровна, хотя погода мерзкая. Спасибо, что быстро откликнулись. Разрешите вам представить моего ассистента Эраста Васильевича фон Каде. А это та самая дама, искусством которой вам ещё предстоит восхищаться.

Мариэла поклонилась и подумала, что, судя по фамилии, этот ассистент – немец. Тот вернул поклон. А Пирогов продолжил:

– Как раз к нам поступил раненый по вашей части. Штабс-капитан Святов, пулевое ранение в руку.

– Смотреть надо. – Про себя фон Каде отметил истинно хирургическую жёсткость голоса дамы. – Халат для меня найдётся, Николай Иванович? И ещё: извините, но даром не работаю. Предупредите штабс-капитана.

Палата встретила врачей густой смесью запахов скверной кормёжки, немытых тел и газовой гангрены. Мариэла бросила короткий взгляд на индикатор – негации не было.

– Святова в операционную!

– Руку отрезать будут... – слышался шёпот кого-то умудрённого и многоопытного из соседей.

Санитар повёл штабс-капитана в мундире без левого рукава и с рукой на перевязи к выходу из палаты.

Возвращение раненого примерно через пару часов было триумфальным. Рука осталась на том месте, где была, но куда большее внимание привлекло выражение лица Святова. Все, кто мог ходить, сгрудились вокруг кровати, сидя (не лёжа!) на которой штабс-капитан вдохновенно излагал историю своего излечения.

– ...А уж с каким уважением к ней ассистент, который немец! Freulein Doktor – вот как он её именовал. Да что ассистент! Сам Пирогов – только по имени-отчеству: «Марья Захаровна, поясните, как это», «Марья Захаровна, что надобно делать?». Шестьдесят рублей ассигнациями та доктор взяла, но денег таких она стоит. Сам слышал, что даже Николай Ивановичу не можно принять её на должность, оттого деньги за лечение берёт приватным образом. А уж командует та барышня – штаб-офицеру под стать. Рукой двигать не велела ещё два дня, потом осмотр. И догонять родной полк. Правда, Марья Захаровна сразу сказала, что это, дескать, мне повезло, что кость не затронута, а то три недели тут валяться бы...

Рассказ с эмоциональными дополнениями, рассудочными комментариями и тонкими выводами длился как бы не дольше, чем сама операция.

То, что произошло, было закономерным событием.

Семаков хотел переговорить с Тарротом, но, спустившись в уже хорошо знакомую пещеру, обнаружил там и Тифора. Два мага энергично обсуждали на мэрском языке какие-то математические проблемы. Однако, завидев российского офицера, оба проявили учтивость: поздоровались и уверили лейтенанта, что его дела важнее. Моряк только собрался изложить своё мнение по поводу возможности появления войск противника в непосредственной близости от входа в пещеру, от входа в грот и портала, как со стороны лесенки, ведущей с обрыва, слышались шаги. Все трое повернулись в сторону входа и увидели, как в него просунулось любопытное мальчишечье рыльце.

Незваному гостю было на вид лет восемь-девять, у него были совершенно русские черты лица, плохо сочетающиеся с чёрными глазами и волосами. Одет парнишка был в сильно поношенную рубашку и штаны явно чужого размера. На плече висела большая матерчатая сумка, выдавшая лучшие годы.

Семаков очнулся от потрясения первым:

– Кто ты такой и как сюда попал?

– Морской змей! – не в тему прошептал гость перехваченным от страха горлом.

Таррот возразил:

– Я не змей и не морской. И людей я не ем, только рыбу. Хочешь рыбы? Я её сам запёк.

Мальчишка лживым голосом стал уверять в своей сытости. Упорствовал он не более минуты. Гостя усадили за каменный стол. Парнишка ел с достоинством, не торопясь. И всё же настороженность во взгляде осталась, как и напряжённость в ногах. Мелкий в любой момент был готов удрать.

Лейтенант не стал дожидаться окончания трапезы.

– Так как тебя зовут? – спросил он голосом, наполненным беспечным любопытством.

– Константин Киприанов, ежели по-русски. Мама Костей зовёт.

– А если не по-русски?

– Константинос Киприану. – Это было сказано с отчетливым греческим произношением.

Такое двойное имя сразу объяснило проницательному лейтенанту многие странности облика пришельца. Но офицер решился проверить умозаключения:

– А с мамой ты по-каковски говоришь?

– По-русски, знамо дело. Она по-гречески только понимает хорошо, говорит не очень-то.

– А где вы все живёте?

– Там, в Севастополе, дом у нас. Ну, на околице.

– Так что ж ты здесь делал?

– Охотился. – Поскольку на лицах взрослых читалось явное недоверие, то добытчик уточнил: – На мидий охотился.

– Кто такие мидии? – спросил дракон.

Как ни странно, этот вопрос успокоил мальчика. Видимо, он рассудил, что собеседник с такими пробелами в знаниях если даже и змей, то уж точно не морской.

– Вот. – И перед взором крылатого хозяина пещеры явилось содержимое матерчатой сумки – три чёрных моллюска.

– Их можно есть?

Пацану окончательно стало ясно: говорящий зверь в морских делах ничегошеньки не понимает.

– Вестимо, можно. А ежели летом, то на базаре продаём. Но сейчас ловить трудно, вода холодная. Ну ещё крабов можно достать, но тож на холоду плохо ловятся.

– Крабы большие?

На сей раз мордаха мальчика отразила некоторую снисходительность.

– Вот какие. – И ладошки отмерили величину. – Предполагая в собеседнике нехватку знаний, Константин добавил: – Их тоже можно есть и продать опять же.

– В наших краях таких больших нет. А как глубоко они водятся? – В голосе Таррота появилась явная заинтересованность.

Великий охотник за мелкими морскими гадами надулся от важности:

– Сейчас никак не менее четырёх сажен, а то пять. Или того более. Благодарствую за обед. – Мальчишка встал из-за стола и поклонился.

В светский разговор вмешался Семаков:

– Надо бы нам познакомиться. Зови меня «господин лейтенант»...

– Уж погоны небось знаем, – обиженно прогундосил Константин.

– А это господин магистр, он учёный. Это наш товарищ, он дракон...

– Меня можно звать Таррот, – перебил крылатый.

– Драконов не бывает, – без особой уверенности ответил гость, – мне папаня говорил, а морские змеи – бывают.

– Насчёт морских змеев не скажу, сам не видел, а драконы бывают, – авторитетно ответил флотский. – Семья-то большая?

– Уже нет, – ответил малец с недетской серьёзностью. – Папаня той ещё весной сгинул в море. А младших близнят глотошная задушила, и старшая сеструха тоже болела, но выздоровела, и я сам болел, только что носа лишился.

Взрослые, включая дракона, вытаращили глаза и переглянулись.

– Так нос вроде на месте, – неуверенно заявил господин магистр.

– А что толку? Чують им не могу².

Последовал ещё один многозначительный обмен взглядами.

– Так, выходит, в семье у тебя мама да ты с сестрой...

– И кот.

Дракон в очередной раз продемонстрировал невежество:

– Кто такой кот?

– Это такое мелкое домашнее животное... – начал было Семаков, но гость неучтиво перебил:

– Лучше я расскажу!

Мальчишка дал подробное описание этого дивного зверя. Кроме того, он добавил, что «наш Тимка собой красавец, и умный, и совсем не царапается, и мышей ловит».

Расспросы продолжались. Описание житья-бытья этой семьи не навевало оптимизма. Шаланды у семьи, понятно, не осталось, выживали они орехами (дерево росло во дворике их дома) да продажей морепродуктов и поделок из раковин и дерева. Также мать семейства нанималась на подённую работу.

– Не кусочничаем, – с затаённой гордостью объявил мальчишка.

Семакову пришлось тут же объяснить происхождение термина.

– Хочу сам посмотреть, какие эти крабы, – совершенно неожиданно молвил дракон, без дальнейших слов довольно быстро прошёл к выходу и скользнул в холодные воды. Отплыл он далеко (по мнению Константина), нырнул раза три, а потом как-то неожиданно оказался в пещере. В лапах болталось пара крабов по три вершка в поперечнике.

– Это они?

– Вестимо, они. Ух, здорово у вас получается! А из чего вы костёр делаете?

– Зачем костёр? – удивился дракон.

– А как рыбу запекать?

– Мне он не нужен. Давай ты научишь меня варить мидий? Одну изготовим на пробу, а я тебе потом её отдам.

Мальчишка кивнул, хотя в глазах у него читалось полнейшее недоверие к кулинарным способностям чешуйчатого повара.

– Так надо налить воды в чугунок, вскипятить, потом...

– Мы сделаем проще... – И на глазах у людей дракон взял каменную миску, что-то такое сделал, отчего миска наполнилась водой, и пристально посмотрел.

Очень скоро из воды пошёл пар. На закипание потребовалось не более двух минут. Раковина полетела в миску.

– Соли бы надобно.

– У нас добавлять соль в еду не особо принято. Но потом сам добавишь, сколько пожелаешь... А долго варить? – поинтересовался крылатый повар.

Костя глянул в миску:

– Это ещё столько и полстолька.

Ожидание.

– А теперь?

– Да, примерно сказать, готово.

---

² В те времена дифтерия и вправду иногда приводила к потере обоняния.

– Тогда угощайся.

– Нет, я моим отнесу.

И варёная мидия была осторожно извлечена из блюда и брошена в грязную сумку.

Дракон заметил в глазах гостя недвусмысленный интерес к энергично шевелящимся крабам и вдруг предложил:

– Давай меняться!

Глаза мальчишки полыхнули деловым огнём.

– Давай!

– А что у тебя на обмен имеется?

Мелкий извлёк из кармана штанов забавную фигурку человечка, сделанную из раковин:

– Вот. Что за неё дашь?

– Всех крабов, что есть, и рыбу, ту, что осталась. Сделка?

Конечно же пацан не мог упустить такую возможность обогатиться.

– По рукам! – Тут Константин перевёл взгляд на драконьи лапы и сообразил, что слова выбрал какие-то не те. – Согласен, значит. Спаси Христос.

– Это не всё, – сурово произнёс флотский лейтенант. – Нам троим не хочется, чтобы новости о нас разнеслись по всему Севастополю. Поэтому говори, что крабов сменял у моряка – а Таррот и в самом деле моряк, он живёт на берегу моря и ловит рыбу. Про дракона – ни слова. И ещё: скоро здесь ходить будет нельзя. Придут англичане, французы и турки, их войска.

При слове «турки» лицо сироты сильно переменилось. Всё-таки он был наполовину греком.

– Будет сделано, господин лейтенант, – отчеканил пацан.

Сразу после того, как Костя удалился, Семаков заметил:

– Вот ведь пролазливый мальчишка!

– Все дети в известном возрасте любопытны, – философски заметил дракон, – мои тоже были такими. Так что у вас за дело, Владимир Николаевич?

– Касается оно воздушной разведки, Таррот Гарринович. Даже не знаю, долго ли ещё она будет возможной...

Глава 4

Предсказание погоды, а точнее, непогоды, оказалось точным. «Морской дракон» отстайвался в своём гроте. Войска коалиции медленно продвигались к Балаклавe. А лейтенант Семаков, захватив с собой старшего помощника, приготовился слушать Мариэлу о её мире.

Много позже, вспоминая в подробностях рассказ, оба российских моряка описали свои ощущения друг другу. По мнению Мешкова, это слушалось, как «вечера, когда отцов сослуживец Фёдор Иванович повествовал нам с братом о далёких землях, о таинственных обычаях туземцев, об обитателях морских глубин...». Семакову же рассказ напоминал читанные им книги, написанные путешественниками: «Ну, вроде как записки Головнина о Японии».

Большое впечатление на флотских произвёл тот факт, что огромные водные пространства Восточного океана никем никогда не исследовались за полной ненадобностью. Стабильность общества, которой так гордилась Маэра, оборачивалась не только светлыми сторонами. Семаков мысленно отметил, что как раз это даёт Российской империи ещё одну причину не слишком опасаться вторжения из этого мира. Мешков, услышав о Повелителях моря, тоже подумал, что от них вторжение маловероятно, а вот набег... Историю Крыма он помнил превосходно. Правда, сказано было, что у маэрских островитян умения по части магии слабее, чем у Континенталов, но ведь их наращивание – это вопрос времени. И оба (опять же про себя) дружно решили, что из всех тамошних государств и сообществ наименьшую опасность представляет драконье.

– ... Таким образом, господа, Маэре нечего искать на Земле. То, что есть у вас, мы имеем и сами. Нестабильность общества нам совершенно не нужна, а вот ей-то мы и рискуем, если вздумаем (допустим на минуту) отвоевать какой-либо из кусков земной территории. Сверх того: транспортировка людей в сколько-нибудь значимом количестве через портал представляется задачей сомнительного свойства. Вы знаете, как мы тут застряли. Осмелюсь предположить, что когда наши соотечественники решат задачу вызволения нашей группы, то вполне вероятно решение Академии и Верховного Совета Заокеании и вовсе прекратить контакты. Ну, если только не считать негатора.

Князь поднял бровь.

– Вы не ослышались, Михаил Григорьевич. Это единственное, что есть у вас и нет на Маэре. Честно признаюсь: мы бы хотели заполучить негатора к нам, хотя бы временно. Для нашей науки он был бы изумительной находкой. Готова хоть тут же поклясться: это с десятков докторских диссертаций. И ещё... я краем уха слышала от наставницы... в случае магических болезней и отравлений негатор может вылечить человека. Она заметила, что знает два таких случая.

Расспросы длились до темноты. Уже возвращаясь, Мешков заметил:

– А знаешь, Клик, дело-то, глядишь, пойдёт наверх, – и палец указал в небеса. – Через Корнилова или Нахимова. Сам понимаешь: государь может потребовать отчёта о наших делах. Нас с тобой небось на аудиенцию не позовут, так что подумать надо заранее, о чём говорить адмиралам. А?

– Пока надо бы исполнить просьбу и поговорить насчёт этого унтера. А вот потом... Да, ты прав, мыслить изо всех сил.

Костя с гордостью предъявил сестре (матери дома не было) добычу, получил законную похвалу и до такой степени утратил осторожность, что небрежно сказал:

– А я сегодня дракона видел.

Сестра выказала некоторое внимание этому сообщению:

– Да ну? И какого он вида?

– Когти – во какие! А клыки – во! И с хвостом, и с крыльями. И говорить по-нашему может. А ещё красивый, в медной чешуе.

– Как же он тебя не съел?

– Так он людей не ест. Только рыбу.

Только в этот момент мальчишка сообразил, что не выполнил приказ лейтенанта о молчании. Но он даже не успел собраться с мыслями, как старшая сестрица, не глядя на брата, молвила:

– Истинно мама говорит: выдумщик ты... А почему он в медной чешуе? Золотая покрасивше будет.

На юного фантазёра снизошло вдохновение.

– Мой дракон медный – это как молодой он. Станет старше, так серебряным делается. А совсем уж старшим – тогда золотой чешуя будет.

– А огнём дышать может?

– Ясно дело, он ведь не змей морской. Слушай, а ты сделать из ракушек дракона можешь?

На этот раз старшая сестра решила, что братец хватил через край:

– Ты что, маленький? Игрушек не хватает?

Упрёк был зряшным: их Костя не имел вовсе.

– Так не себе же. Этих крабов с куском рыбы я сменял на человечка ракушечного у моряка. Может, он и за дракона что-то такое даст.

– Да я и не знаю, какой он из себя, дракон этот, – ответила девушка, но подумала, что младший, возможно, и сможет провернуть такую сделку.

– Ништо! Я покажу. – И мальчишка с энтузиазмом принялся отмерять пальцами: – Шея, значит, вот такая, туловище поболее, хвост ещё, да, и по спине гребень, и четыре лапки тут вот, и крылушки...

– Ну, попробую...

Те, кто давал задание агентам разведки союзников, подумали, что в шторм малый корабль будет отстаиваться в порту. Надобно заметить, искали тщательно. Может, турецкая разведка не отличалась высокими умениями и дисциплиной, но серебролюбие вполне заменяло эти качества, а награда за сведения выглядела вполне внушительной.

Первый успех был достигнут за считанные часы: сразу три независимых источника выдали название: «Морской дракон». Но на этом удача исчерпала себя. Все осторожные вопросы о местонахождении этого корабля давали близкие ответы:

– Да уж месяц его видно тут не было.

– С Петрова дня не появлялся.

– Как же, был, когда белый шиповник начал отцветать.

Между тем достоверно известно: нигде не базируясь, этот вполне оправдывающий своё название кораблик ухитрялся действовать, нанося болезненные удары.

Очередной ход спецслужб противника оказался очевиден: агентам пообещали вознаграждение даже за обнаружение «Морского дракона» вблизи берега. Результат был нулевым. Ядовитый «Дракон» оставлял крайне болезненные раны и... будто растворялся в тускло-серых волнах осеннего Чёрного моря.

Именно этот вопрос и обсуждал лейтенант Ватсон с капитаном Скоттом. Первый жаловался на коварство русского капитана, одновременно излагая методы, каковыми разведка англичан и французов и турок пыталась противостоять этому злодею. Второй слушал, одновременно анализируя.

Наконец Ватсон выговорился, точнее, закончил излагать факты, поскольку эмоции выплеснулись не до конца. Реакция капитана Скотта была парадоксальной.

– Джон, старина, вы уподобляетесь джентльмену, который, потеряв кошелек, ищет его под фонарём. Понять можно: если кошелек и вправду лежит там, то джентльмен его обязательно найдёт. А если кошелек выронили в другом месте? И вот вам мой совет: искать надо не там, где вы наверняка найдёте этого русского, а там, где вы его можете найти.

Несомненно, между британским и русским народами имеется глубочайшее духовное родство, ибо лейтенант Ватсон, будучи чистокровным англичанином, подумал то же самое, что и любой русский на его месте: «Без бутылки не разобраться». Эта мысль тут же была обращена в действие. Мало того, означенный офицер Королевского флота строго следовал русской же пословице: «Пьян да умён – два угодыя в нём». Язык у этого сотрудника флотской разведки соответствовал состоянию «сильно набравшись», а вот мозги оставались трезвыми, как весенняя розочка.

– О! Место, куда... ик!.. линейный корабль не пройдёт, а этот может. Подальше от Се... ва... спотоя. С берега чтоб не вз-з-зять... и м-м-много м-м-мелией! Ик! И... с пркры-тем... береговых... бат...трей.

Мысли получили перерыв, хотя и недлинный: ровно такой, чтобы попробовать убедить джин вылезти из бутылки.

Попытка успехом не увенчалась ввиду опустошённости вместилища.

– Кирн... бурн... ск!

Слово прозвучало. И Джон Ватсон его не только запомнил, но и произнёс вслух, когда через сутки докладывал о результатах поиска «Морского дракона». Блистательную догадку о месте базирования этого неуловимого он ничтоже сумняшеся приписал себе.

Разумеется, высокие чины похвалили скромного труженика на ниве оценки и анализа разведданных. И разрешили идти. Дальнейший план действий, конечно, был вне компетенции младшего офицера.

Удивительное дело: и английский, и французский адмиралы единодушно высказались против попыток немедленно атаковать русский корабль у Кинбурнской крепости. Во-первых, надо было ещё убедиться, что он там находится. Во-вторых, на это дело, по общему мнению, надо было направлять всю эскадру, а ведь задачу поддержки экспедиционного корпуса с неё никто не снимал. Для принятия решения и того было достаточно, однако имелось и третье соображение: адмирал Гамелен ожидал подхода бронированных кораблей. По его мнению, только их участие обеспечивало приемлемый уровень потерь.

Именно такой исход дискуссии предположил капитан Скотт-ине ошибся, хотя его не пригласили. Конечно же английскому капитану до крайности не хотелось выдвигать предложения, заведомо неприемлемые для начальства. И он решил предоставить это своему другу Ватсону.

На осторожный запрос относительно унтер-офицера Синякова Нахимов отреагировал ожидаемо:

– Откомандировать сего унтера в распоряжение иностранцев не могу-с!

Лейтенант Семаков попробовал защищаться:

– Так ведь, Павел Степанович, речь пока что и не идёт о командировании. Они просят для начала только разрешить обследование по части энергетических свойств, а это отнимет, скажем так, по два-три часа в день. Вот по окончании войны – другое дело, но ведь унтер Синяков тогда и в отставку выйти может.

– До окончания войны дожить надобно! Что у вас ещё?

– Вот какой рассказ мы с лейтенантом Мешковым слышали от Мариэлы Захаровны...

Живой ум адмирала сразу вычленил главное в последовавшем пересказе, но всё же Нахимов спросил мнение младшего в чине:

– А вы сами, Владимир Николаевич, что думаете на сей предмет?

Анализировать Семаков умел неплохо, к тому же для раздумий у него было больше времени. Но выводы даже на быстрый взгляд выглядели стратегически важными. Лейтенант глубоко вздохнул и начал:

– Осмелюсь доложить, первый вывод видится таким: притом что некоторое опасение у наших иномирских гостей мы вызываем, вторжение в свой мир они полагают крайне маловероятным. Второй вывод: нас всеми силами старались убедить, что вторжение с их стороны ещё менее возможно, но не потому, что они не способны на такое, а скорее по причинам денежным. Связь между мирами обходится очень дорого по любым меркам. И третий вывод... – Семаков сделал небольшую паузу. – При всех наших хороших отношениях мы им безразличны, точнее, они в нас не нуждаются. Торговлю организовать можно, и обойдётся малый их портал не так уж дорого, но нет товаров, кои были бы очень уж потребны той или другой стороне. Исключаю, конечно, предметы военного назначения. Даже не знаю, сумеем ли мы организовать обучение наших людей умению управлять ими энергетическими потоками. Госпожа Мариэла ясно дала понять: учиться возможно лишь у них. Я ничем не поручусь, что тамошние на это согласятся. Да и дорого это. А решение о таком обучении, полагаю, только государю принимать.

– К его императорскому величеству я не вхож, – индифферентно заметил Нахимов.

Последовало молчание. Адмирал сначала хмурился, но потом лицо его прояснилось.

– Решение моё таково: продолжить разговор позже. Сначала мы должны отстоять Севастополь всеми возможными силами-с. Что насчёт готовности корабля имеете сообщить?

Костя шагал по пыльной дороге. В сумке лежал ракушечный дракон, а в душе пребывала надежда на выгодный обмен. У входа в пещеру малец не посчитал за труд тщательно оглядеться, но никого вблизи не было. Дракон оказался у себя.

– Здравствуйте вам, – солидно поздоровался юный торговец сувенирами.

– И тебе доброго дня, – отозвался хозяин пещеры.

– Меняться не хотите ли?

– А что есть?

– Вот.

Реакцию медночешуйчатого зверя на товар для мены не мог бы предвидеть даже искусшённый взрослый. Ну разве что это был бы человек, долго проживший среди крылатых и научившийся их понимать, но таковых среди землян не было. Дракон хохотал. Долго, от души. А так как смех драконов вполне понятен человеку, то Костя присоединился к веселью. Наконец Таррот успокоился.

– Кажется, я знаю, на что это можно сменять. Одолжи мне свою сумку.

У мальчишки хватило ума не спрашивать, зачем она понадобилась.

Чешуйчатый повесил сумку на шею, вышел из пещеры и погрузился в холодное море. Он знал, что на обрывистой скале имеются целые рассадники мидий. Вода была мутной, но дракон чувствовал потоки жизни, этого было достаточно. За одно погружение он набирал, по прикидкам, не менее трети объёма тары. Через семь минут ёмкость наполнилась.

Увидев раздутые бока сумкотары, гость преисполнился не только уважения, но и стремления как можно скорее завершить обмен – пока партнёр не передумал. И торопливо выпалил:

– Меняю!

В ответ дракон улыбнулся.

Дети почему-то острее взрослых чувствуют эмоции. Костя уловил доброжелательность и улыбнулся в ответ.

– А ещё у тебя такие есть? – неожиданно спросил крылатый.

– Сестра может сделать.

– Тогда неси, но смотри не попадись только чужим, если сюда подойдут. А то ведь и мою пещеру могут найти.

– Уж не сумлевайтесь, господин Таррот.

Предстоящая операция на Балаклавском рейде наводила нехорошие предчувствия на командира «Морского дракона». Во-первых, он предвидел, что часть гранат (и, скорее всего, большую) придётся отдать в распоряжение сухопутной батареи. Во-вторых, сама атака основывалась на предположении, что луна будет скрыта облаками.

Как бы то ни было, сигнальщика послали по лесенке вверх. По возвращении он добросовестно доложил: никого, дескать, не видать и луны тоже. И Семаков решился.

– Ну, господа офицеры, с богом! Боцман, расставить матросов с шестами – оттолкнуться от обрыва в случае чего. Но чтоб никакого шума, никакого огня!

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие, не в первый раз.

– Даю «Гладкую воду». Пошёл, родимый!

Корабль вышел из грота совершенно бесшумно. Лейтенант Мешков мимоходом подумал, что гребной ял мог бы скрипом уключин выдать себя, а вот это чудо иноземной мысли – нет.

– Иван Андреевич, становитесь к штурвалу. Курс на зюйд, скорость по лагу пятнадцать, через четверть часа поворот на ост. Кроев, не занятым на вахте разрешаю отдыхать. Но курить – ни-ни!

Через полчаса «Морской дракон» взял курс на Балаклавскую бухту. Командир лично стал к штурвалу, а второй помощник поминутно сверялся с лагом, компасом и показателем возмущений в водяных потоках.

– Есть сигналы, Владимир Николаевич, – последовал доклад. – До берегов пока далеко, а вот волны, разбивающиеся о корпус кораблей, шумят. Попробую определить количество...

Командир потянул на себя рычаги. Скорость упала до несерьёзных одиннадцати узлов. Через пять минут Шёберг доложил:

– Стоят, похоже, в линию; за четырех ручаюсь, но по карте для полного перекрытия должно быть ещё два.

Командир с беспокойством поглядывал в небо. Облачность пока держалась, но восточный ветер её уверенно разгонял.

– У нас двадцать минут на атаку, потом луна осветит – и пиши пропало.

Начарт уже был на палубе. Комендоры поспешили к своим местам. Подносчики распределились по трюму, подгоняемые шёпотом Кроева (пользоваться дудкой ему запретили).

Комендор Максимушкин был явно обеспокоен. Он пытался вглядываться в отдалённые огоньки, хмурился, тревожно озирался на начальство и наконец решился:

– Ваше благородие, дозволейте обратиться.

– Разрешаю, братец, только говори вполголоса, не то услышат.

– Видно очень уж плохо; самоприцел возьмёт, а провести стволом вдоль корпуса навряд сумею.

– Что ж ты предлагаешь?

– Бить в одну точку, стволом не двигая. Авось да проломит палубу, тогда корпус верным делом повредит. Удалось ведь такое раньше! Не ровён час, когда вести вдоль палубы, то гранаты зря взорвём. А то ведь господин боцман говаривали, что гранаты у нас опять же вроде как есть, да поберечь бы надо.

– Дельно говоришь, братец. Время ещё есть, сходи за Патрушевым.

– Рад стараться!

Комендор кормового гранатомёта резво подбежал по вызову. Князь Мешков вкратце объяснил ему боевую задачу, а закончил предупреждением:

– Я сам не знаю, кого будем атаковать. Если сразу двоих, тогда твой правый. А если одного – тебе не палить, Максимушкин должен и сам справиться. Всё ясно?

– Так точно!

В рубке тоже шли переговоры:

– Иван Андреевич, прикиньте дистанцию между центральными двумя.

– Точность будет невысокой, Владимир Николаевич, в такой-то тьме.

Семаков задумался на секунду, потом явно принял решение и чуть-чуть повернул штурвал.

– В таком случае атакуем того, на которого я нацелился. Луна ещё не вышла, времени должно хватить.

Целью оказался пятнадцатипушечный шлюп «Миранда». Разумеется, он нёс ходовые огни. Разумеется, экипаж был готов к отражению атаки. Разумеется, фейерверкеры стояли наготове у ящиков с фальшфейерами. Но всего этого не хватило. Точнее, не хватило каких-то пяти минут – именно через это время луна всё же проглянула сквозь редяющие облака.

– Максимушкин, после первой не торопись. Вторую по моей команде. Ясно?

– Так точно, вашбродь!

На палубе послышался голос командира из рубки:

– Михаил Григорьевич, на пальбу у тебя будет минута, потом отворачиваю, очень уж мы близко.

– Понял, Владимир Николаевич, одна минута.

Про себя Мешков решил, что с момента начала поворота пройдёт ещё не меньше минуты, прежде чем «Морской дракон» ляжет курсом на зюйд (а цель выйдет из сектора обстрела носового гранатомёта). Впрочем...

– Патрушев!

– Я!

– Будь готов. В случае чего ты добавишь огонька.

– Всегда готов! – Ответ не соответствовал уставу, но по существу был верен.

– Пали, носовой!

Возможно, эта команда даже донеслась до атакованного корабля, но тому было поздно что-то предпринимать. Над морем полыхнул яростным пламенем огненный шар. Мешков успел подумать, что взрыв произошёл даже выше топа мачты. Промигавшись, начарт понял, что сигнальный огонёк погас.

– Максимушкин, ещё пару!

При второй вспышке стало видно: мачты уже нет, да и надстройки снесло.

Ещё не успел грянуть третий взрыв, как в дело вступил соседний шлюп «Хорнет». Он был оборудован дорогушей новинкой: прожектором, каковой сняли с флагмана вместе с двумя обученными матросами. Луч был направлен «куда-то в сторону моря», но прожектористы принялись деятельно разворачивать прибор в поисках противника. И тут ударил по ушам третий взрыв, поставивший точку в судьбе «Миранды».

– Даю поворот на шестнадцать румбов! Всем держаться! Включаю forrage!

«Морской дракон» ещё не завершил поворот, когда на стороне союзников сыграло природное средство обнаружения: луна.

– That's her, over there!³ – заорал глазастый уоррент-офицер⁴ на «Хорнете».

Ошибиться он не мог. Тут же прожектор с «Хорнета» попробовал захватить противника лучом; это не получилось, но и луны оказалось достаточно.

Артиллеристы тоже заметили удирающий корабль, освещённый луной с левого борта. Орудия уже были заряжены, но на их наведение требовалось не меньше минуты. Уже потом английский начарт подумал, что даже при открытии огня при максимальном сближении попадание ядрами крайне маловероятно – всё же дистанция составляла около мили. А к моменту,

---

³ Вот она, вон там! (англ.) В английском языке корабль – существительное женского рода.

⁴ Уоррент-офицер – в английском флоте нечто среднее между сержантом и младшим лейтенантом.

когда английские орудия изготовились к стрельбе, русский успел пробежать на две мили, не меньше.

Взвились, сияя, фальшфейеры. Крупные корабли, спасённые ценой потопления «Миранды», приготовились к отражению атаки, которой не последовало.

Единственным капитаном, не испытывавшим беспокойства в течение остатка ночи, был Фрэнсис Скотт. Он сопоставил полнолуние, уходящую облачность и манеру атаковать, присущую русскому командиру, и сделал из всего этого вывод: повторной атаки не будет, можно спокойно поспать вплоть до пробудки.

С точки зрения офицеров коалиции проворный кораблик ухитрился каким-то чудом уйти. С точки зрения Семакова «Морской дракон» просто обязан был уйти с минимальными потерями.

Старший помощник очень вежливо и очень тихо высказал мнение командиру:

– Владимир Николаевич, команде нужен бы отдых.

Семаков, погруженный в раздумья, ответил тоже вполголоса, не сразу и невпопад:

– И не только отдых. Сдаётся, потребны сведения, которых нет... – Тут же поднял голову и уже во весь голос скомандовал: – Иван Андреевич, проложите курс в порт.

Первый и второй помощники преувеличенно старательно занимались своими делами. Поглядев на них, Семаков решил, что недостаточно объяснил суть манёвра:

– Господа, не уверен, что нашим славным войскам удастся удержать неприятеля от продвижения к южным окраинам Севастополя. А раз так, то понадобятся сухопутные гранатомёты. Они уже заказаны, и того более скажу: вот-вот их перешлют. Но не исключая, что к... месту их передачи придётся пробиваться с боем.

* * *

Новости от флотского командования не обрадовали. Лейтенант Семаков правильно оценил положение: русские войска отступали. Главнокомандующий Меншиков рассчитывал удержаться под Инкерманом – и не устоял.

Глава 5

Для начала Семаков двинулся рапортовать (заодно узнать последние новости) к Нахимову. Но далее флотский офицер Семаков почему-то занимался делами, к флоту напрямую не относящимися. Он навестил дом, где проживали иноземцы, и разговор там случился долгий. Затем лейтенант пошёл домой, отобедал и сколько-то времени провёл за расчётами. Потом взял бричку и покатил на мыс Херсонес, где коротко посоветовался с обитателем пещеры. В результате ночью дракон летал над сушей, а не над морем.

На следующее утро лейтенант снова наведёлся к Тарроту, после чего решительно поехал в расположение донцов-пластунов, где отыскал хорунжего Неболтая. После надлежащих приветствий Семаков перешёл к делу:

– Тихон Андропович, я моряк, а потому нужен ваш совет в сухопутном деле, что мной задумано.

Ответ был несколько в стороне от темы:

– Владимир Николаевич, мне уж оскому набил это «вы». Хвала господу, не первый год знакомы. Давай на «ты», что ль?

– Давай!

Соглашение скрепилось рукопожатием.

– Так вот, Тихон Андропович, дело такое. Нам надобно с мыса Херсонес перевезти новые гранатомёты, сухопутные, а они тяжелые даже в разобранном виде. Там одни лишь заготовки для щитов по восемнадцати пудов, а их две.

– О-го-го!

– Доставить их следует на Камчатский люнет, так адмирал приказал. Только на телегах и увезёшь, да тут вот какая препона может случиться: французы с англичанами уже неподалеку, у Инкермана. Моя разведка донесла. Два дневных перехода, как понимаю. Почему и опасаюсь их авангарда. Он, как думаю, конный?

Казак кивнул.

– Улан пошлют верным делом.

– На разведку сколько обычно отряжают?

– Коль моя воля, так сотню бы отправил.

– Вот же! Мои молодцы от них не отобьются. Вот что мыслю: сколько-то твоих казаков хорошие винтовки купили, да и ты тоже – так?

– Оно верно, штук с пятнадцать.

– Хочу, чтоб вы моих матросиков и груз охранили. А мы с «Морского дракона» можем вас из гранатомётов поддержать. Эту сотню должны разнести в брызги. Победная слава – тебе, и всё прочее тоже, – моряк намеренно не упомянул слово «трофеи», – а нам лишь бы увезти телеги. Но и риск твой.

Казак чуть сощурился.

– Это какие ж ты видишь опасности?

– Да не опасности, а самое простое: может, конные и вовсе не поспеют. Тогда твоим ни славы не получить, ни... кратко сказать, ничего не достанется, разве что проедутся туда-сюда.

Неболтай надолго задумался. Потом пошли вопросы:

– Говоришь, твой корабль будет под берегом?

– Ну, под берегом – это сильно сказать. Три кабельтова, к примеру; это сажень двести пятьдесят или триста.

– А твои молодцы увидят ли супостатов с палубы?

На этот раз задумался моряк.

– А ведь ты прав: могут и не увидеть. Берег там высокий, сам должен помнить.

– И я о том. Понадобится связной. Тебе передавать то есть, куда гранаты класть.

– Сигнальщик, стало быть. Флажным семафором... Понятно. И сверх того офицера наряжу, чтобы видел, куда легли гранаты, и поправки докладывал.

Ни один из собеседников не знал о существовании приёма, именуемого «корректировка артогня при стрельбе с закрытой позиции», но именно его и предполагалось пустить в ход.

– Потом же твои грузить должны. Моим на это отвлекаться не след. А телег сколько надобно?

– Три, это самое меньшее. Да что я такое говорю: все пять. В каждую пару запрячь, а ещё лучше – тройку. Ведь и сами гранаты тож не пушинки... Только, боюсь, так сразу не найду.

– Ну, Владим Николаич, возы для груза берусь достать с нашего обозу, и ездовых тоже, и коников. Пусть только твои расстараятся... это самое... чтобы ихнюю сотню подзакрыть малость.

– Тихон Андропыч, я тебе придам одного из моих помощников. А как наши гранаты быют, ты и сам знаешь... Ох, совсем забыл, этого как раз и не знаешь, тут новые мы заказали, они ещё посильнее будут. Правда, мы их только на вражеских кораблях пробовали, ну да и по кавалерии пройдутся добре. Единственное: не ручаюсь за их коней.

– А тут что за притча?

– Быют те гранаты очень сильно, говорю ж тебе, почти наверняка ноги переломают лошадакам, да и людей... кто вблизи будет, контузию обещаю на самый лучший исход.

– Да неужто сильнее вдаряют, чем те, прежние?

– Вот те крест! И добавь ещё: осколки чугунные от новых гранат бывают. Врать не буду: сам не видел, но разлетаться должны далеко, так что ты уж с казаками поостерегись.

– Хочешь сказать, в ложбинку или там овражек схорониться?

– Во всяком случае, старайся во весь рост не стоять. Сам знаешь: ведь эту винтовочку хоть стоя, хоть лёжа перезарядить можно.

– Уж такое все сумеют, каждый ружьишко новое попробовал сурьёзно.

– И вот что я подумал, Тихон Андропыч. Ты уж прости, но... на войне, сам знаешь, всяко бывает... так что на дело пусть только охотники пойдут. А кого и сколько брать – тебе решать.

– Это о чём ты?

– Да новое для наших дело: сухопутные цели всё ж. Как бог свят, без привычки мазать начнут. Я мыслю, что гранатами всю сотню не выбьют. Так что вели своим пуль захватить поболее. Мои комендоры будут выцеливать тех, кто не ближе пятисот шагов, а дальше уж вы сами.

– Это я так же подумал.

– Не сомневался; а ещё предупреди своих, что, мол, сильно взрываться будет. Ну, чтоб народ не растерялся. И коноводам вели подалее расположиться. Короче, сам увидишь. Моито, узря, как новые гранаты шарахают, только матерные слова и находили.

– Иди ж ты же ж!

* * *

Когда в проект корабля вносятся изменения, да не просто, а в момент почти полной готовности – найдите-ка руководителя, который такое любит! Французский инженер Пьер-Арман Гейсс не составлял исключения. Но даже он вынужден был признать, что как минимум на сведения, доложенные разведкой, стоит обратить внимание. К тому же на эту тему говорить ему пришлось не с кем-нибудь, а с представителем заказчика, вице-адмиралом Арманом Жозефом Брюа. Именно этому офицеру предстояло вести эскадру в бой. Правда, должен был участвовать также англичанин: вице-адмирал Эдмунд Лайонс, но его в тот момент в Тулоне не было.

Брюа был настроен самым решительным образом:

– Мне очень жаль ваше время, месье Гейсс, но я не поведу в бой корабли, имеющие на верхней палубе хоть что-то горячее. То, что вы только что прочитали, – не пустые фантазии. У нас накопился печальный опыт: бомбические снаряды русских обладают зажигательным действием ужасающей силы.

Кораблестроитель аргументировал со всей эрудицией, подключая к ней также эмоции.

– Помилуйте, месье вице-адмирал, разве в нашем доблестном флоте матросы не умеют справляться с пожарами?

– Вы невнимательно читали памятную записку, месье. Эти снаряды взрывами контузят экипаж, и на верхней палубе просто некому тушить огонь. А выбраться наверх с батареей палубы именно по причине огня невозможно.

– Но вы, в свою очередь, должны понимать, что отсутствие мачт означает не только отсутствие парусного вооружения, но и потерю хода. Четыре узла – это максимум того, что могу обещать, или же надлежит уменьшить количество всех припасов (угля в первую очередь) и установить более мощные котлы и, соответственно, более мощную машину. Разумеется, на театр военных действий эти корабли придётся буксировать. Затрата времени на переоборудование трёх кораблей составит полгода.

– Сколько помню, месье инженер, их в любом случае придётся буксировать, это показывали ваши же расчёты. Но вернёмся к материалам. Никакого дощатого палубного настила, бушприт срезать, а дымовую трубу, наоборот, укрепить дополнительно.

Голос инженера прямо-таки сочился ядом:

– На что прикажете поднимать флажные сигналы, месье вице-адмирал? И куда ставить сигнальщиков? Ведь марсов не будет.

Руководитель проекта из мелочной злобности выделил голосом слово «вице». Брюа не выказал на это никакой мимической реакции, но заимел на душе некоторое хамство, выразившееся в реплике:

– Надеюсь, месье инженера не затруднит спроектировать и сделать металлические мачты? Так и быть, я облегчу задачу. Они должны быть ниже обычных: не более пяти туазов... имею в виду, не более десяти метров, – уточнил вице-адмирал, – и с «вороньим гнездом» для сигнальщиков. Тогда обойдёмся без вантов, которые, между прочим, тоже хорошо горят. Чтобы не быть голословным: вот вам список требований, месье Гейсс. Жду извещения о дате сдаточных испытаний.

Кораблестроитель на это лишь раздражённо мотнул головой.

До рассвета оставался час. Даже по этой причине разглядеть группку людей, столпившихся вокруг пустого места, было бы невозможно и за двести шагов. А тут ещё погода поспособствовала: густая облачность скрыла почти полную луну.

Работа у Тифора была самая простая: трансформировать два тяжелых железных бруса в листы толщиной три маэрских дюйма. С хорошим кристаллом эта была работа на полчаса.

Вокруг толпились хорунжий Неболтай, мичман Шёберг и лейтенант Малах. Последний объяснил своё присутствие стремлением увидеть работу гранатомёта по наземным целям. Однако винтовку он тоже взял с собой. Мичман же получил приказ от лейтенанта Семакова; тот рассудил, что меткость стрельбы с корабля важна, а того важнее обретение навыка передавать поправки к прицелу. Именно Шёберг должен был командовать батареями гранатомётов на Камчатском люнете.

Труд рыжего магистра уже был близок к завершению. Все детали гранатомётов помимо щитов лежали на земле, ожидая погрузки, когда в отдалении послышался скрип тележных колес – ездовые явно сэкономили на мази. Вozов было даже не пять, а шесть. А через пяток минут в сумерках показались матросы с «Морского дракона» и казаки верхом.

Неболтай кивнул с таким удовлетворённым видом, как если бы лично провернул операцию по вытягиванию нужных предметов, посланных через портал. Последовала команда:

– А ну, станичники, рассыпайсь по укрытиям!

К счастью, стрелкам были места, где прятаться. Через считанные минуты посторонний глаз не увидел бы пластунов даже с пятидесяти шагов.

Шестеро крепких матросов с большими усилиями грузили на два воза и вправду тяжёлые щиты. Ещё шестеро сравнительно быстро переместили разобранные гранатомёты в третий воз. Четвёртый наполнялся гранатами, когда сигнальщик выкрикнул:

– Красно-синие едут верхом, с норда! Дистанция девять кабельтовых!

Посторонний восхитился бы зоркостью матроса Мягонького, но Шёберг отлично знал, что только такие в сигнальщики и попадают, и потому без промедления рыкнул:

– Численность?

– Не разглядеть, ваше благородие, едут без строя.

– Дубина, хоть примерно скажи: десяток там иль сотня.

– Не менее полусотни, ваше благородие.

– Передать флажным семафором на «Морского дракона» депешу: «Вижу конную разведку неприятеля числом до сотни. Дистанция девять кабельтовых. Прошу залпировать гранатами».

Экипаж корабля, исполнявшего в данный момент обязанности плавучей батареи, уже был готов действовать. Трудность заключалась в том, что ни комендоры, ни начарт противника пока не видели – только торчавшего на высоком берегу и сигналившего флажками Мягонького.

Командир отрядил Тароватова на мачту. Но и тому не удалось разглядеть конных. Наконец Семаков решился:

– Михаил Григорьевич, делать нечего. Палить придётся с поправками по флажным депешам. Начинай пробные.

– Кормовой, дистанция двенадцать кабельтовых, точно на норд. Давай одиночную.

Вспышки видно не было. Зато в небо взметнулся гигантский фонтан бурой земли.

Почти сразу же запорхали флажки.

– Носовой, твой черёд. Целиться на четверть румба к западу от норда, дистанция одиннадцать с половиной. Пали!

Французский отряд получил приказ в бой не ввязываться, но... Разумеется, кавалеристы заметили и возы, и суетящихся вокруг людей. А с обозом какой же бой? И капитан Андре Бошан приказал развернуться в лаву, но на галоп не переходить: артиллерии на виду не было.

Первой неприятной неожиданностью был ужасающей силы разрыв по левую руку от отряда. Судя по всему, это сработала заложенная мина, но уж очень большой силы был разрыв. Завизжала раненая кобыла под одним из разведчиков. Кони, хоть и были хорошо выдрессированы, испугались вспышки, сбились с крупной рыси и тревожно озирались, прижав уши. Молодой (даже усов не отрастил) кавалерист ловко соскочил с падающей лошади и коротко облегчил чувства:

– *Sacre diable!*⁵

Сделать ничего было нельзя: берцовая кость явно оказалась перебитой. Бывший всадник обнажил саблю и коротким ударом в шейную артерию прекратил конские мучения. Но в тыл француз не направился: во-первых, он был храбр; во-вторых, рассчитывал, что после успешной атаки на обоз можно разжиться трофейным конём.

---

⁵ Французское богохульство.

Капитан Бошан не поверил в мину. Взрыв показался очень сильным, это так, но рядом просто не было никого, кто бы мог поджечь запал. Да и характерного порохового дыма не виделось. Что там дым: и порохом не пахло. Капитан получил хорошее военное образование, имел недурной опыт, и потому сразу подумал о том, что тут нечто незнакомое. Выскочивший кавалерист привстал на стременах. На море виднелся низкий силуэт корабля. Не будучи моряком, Бошан не мог точно назвать отличия от привычных образов боевых кораблей, но на уровне внутреннего ощущения эти отличия существовали. Капитан не забыл предупредить подчиненных:

– Navire russe!⁶

Пока капитан составлял план действий, ударил следующий взрыв. Вот он оказался куда ближе: с небольшим перелетом, правда, но по горизонту нацелен был весьма точно. У капитана пропали сомнения: бомбические снаряды, без сомнения, и с какой-то новой, чрезвычайно мощной взрывчаткой. Правда, и на этот раз никто не оказался задет осколками.

Бошан понял, что надо или рискнуть на немедленную атаку, или отступить как можно быстрее, иначе артиллеристы этого русского корабля (а чьим он ещё мог быть?) прикончат отряд из своих дальнобойных пушек. В результате последовала команда:

– Epees embouti! Au galop!⁷

Лейтенант Мешков разбирал знаки флажного семафора не хуже любого сигнальщика. Он понял, что в очередной раз случился перелёт, ещё до того, как закончилась передача депеши. Сначала начарт подумал, что стоит внести поправку ещё на половину кабельтова, но потом вспомнил то, с чем уже столкнулся «Морской дракон»: заградительный огонь. И грянула команда:

– Носовой, поправка на четверть румба к весту! Носовой и кормовой, на два кабельтова ближе! Пали оба!

У хорунжего Неболтая, залёгшего в рывтине неподалеку от возов, были свои мысли насчёт хода боя:

– Да, сердито бьют новые гранаты. Ох, и сильны. Похоже, задело кого-то... Нет, только коня убило, а конный целёхонек. Вона на двоих плетётся... Ещё далековато, я бы в намёт не приказал. Эх, мажут наши пушкарки, поближе бы им прицелиться... Французы-то уж разворачиваются...

Перед конской лавой громыхнули почти одновременно две гранаты. Мысли Неболтая приобрели другое направление.

– Ай да молодец князюшка, уважил! А ведь на тысячу шагов и стрелять можно. Ружьишко добьёт, Малах говорил... – Рука стрелка передвинула прицельную планку назад до отказа. – Вперёд уж не могут, голубчики, кони-то у них эвон пляшут, того гляди, прочь рванут. – И хорунжий гаркнул во всю глотку: – А ну, ребя, давай-ка по супостату горяченьким! По три пули, вести снизу вверх по фигуре.

Следующие две гранаты грянули аккуратно посередине ряда конных, снова собравшихся в атаку. Выкосило чуть ли не половину лавы. Но восторгаться было уже некогда: хорунжий быстро, но без суеты выцеливал надвигающихся кавалеристов и опустошал обоймы. Соратники не отставали. Падали кони. Катились по земле люди.

– Обходят! По крайним, по крайним бей!

Неболтай не узнал голоса. Но картина и без того была ясной. Кто-то из авангарда сообразил рвануть коней в стороны, уходя из-под губительных разрывов.

---

⁶ Русский корабль! (фр.)

⁷ Сабли наголо! В галоп! (фр.)

– Сколько ж вас там? Ну, уж не более двух десятков. А вот вам на табачок!

Лучше всех других французов картину боя понял тот самый юный кавалерист, который оказался спешенным в самой завязке. Он разглядел губительную, прямо адскую мощь взрывов. Он не слышал грохота ружейных выстрелов, но отчётливо видел, как падали товарищи. И ничего, кроме беззвучного и бесшумного ружейного огня, ему в голову не приходило. Правда, он не углядел корабля, но слышал выкрик своего командира, и потому предположил возможность поддержки русских стрелков морской артиллерией. Догадка о заложенных заранее и взрывающихся каким-то хитрым образом минах не улеглась должным образом в голове. Зато пришла вполне ясная мысль: командиры должны знать об увиденном.

В результате именно этот молодой человек оказался единственным, кому удалось добраться до своих. За ним никто не гнался, хотя улан был вынужден идти на своих двоих. У казаков нашлись дела поважнее.

Мягонький передал последнюю депешу на корабль, после чего моряки ушли в направлении Камчатского люнета. Пять возов укатили. А у хорунжего со товарищи осталась куча забот. Большая куча. Сверх того, никуда не поехал мичман Шёберг.

Никто из казаков не понял, что делает моряк. Даже опытный хорунжий догадался о цели этого занятия лишь по его завершении.

Мичман целеустремленно вышагивал по полю среди широченных ям, вырытых взрывами, не обращая внимания на суетящихся своих и стонущих чужих. Казалось, он что-то высматривал на земле, вроде как выискивал оброненный предмет. Но поиски производились в тех местах, где моряк в ходе боя заведомо не появлялся и, понятно, ничего не мог потерять.

Шёберг был занят делом, с которым мог справиться лишь артиллерист. Он, измеряя расстояния в шагах, прикидывал результативность пальбы, учитывал удачные попадания, временами отмечал что-то в записной книжке – короче, работал. Через час мичман закончил труды, учтиво распрощался с Неболтаем, не преминул похвалить прекрасную меткость его людей и отбыл в направлении к Севастополю.

Казаки продолжали трудиться. Удалось захватить двадцать четыре пленника, но пятнадцать из них были в скверном состоянии (с трудом держались на ногах), ещё шестеро – в очень скверном (могли лишь лежать), а трое – без памяти.

– Контуженные они, – определил Неболтай.

И ещё пятерых с тяжёлыми пулевыми ранениями решено было даже не пытаться довести до лекарей. Правда, их перевязали, но...

– Не жильцы эти. Марья Захаровна их вытащила бы, так сегодня же вторник.

Пластуны на сентенцию никак не отреагировали, но каждый про себя твёрдо решил в момент отдыха порасспросить хорошенько у хорунжего, кто такая Марья Захаровна, почему она вдруг может лечить и с какой стати этого нельзя делать по вторникам.

Лошадей досталось порядочно, аж цельных девятнадцать голов; были также с переломанными ногами (тех, понятно, добили), да и убитых немало. Сёдел со сбруей, пистолей да сабель осталось столько, что вполне можно было бы нагрузить четыре воза, да и тех могло не хватить. А уж на перевозку пострадавших потребовалось бы... Короче, такого количества возов хорунжий раздобыть не мог бы при всём желании.

Неболтай сделал всё, что было в его возможностях: отправил на последнем возу самых тяжёлых и контуженных, отрядил одного из авторитетных казаков (урядника Егорьева) за возами, какие только удастся добыть, по прибытии транспортных средств отправил очередную партию пострадавших, следующей ходкой погрузил всех оставшихся (по оценке знающих пластунов, никто из пленных на своих двоих не дошёл бы до госпиталя), прочитал заупокойную по убиенным и приказал по прибытии порожних возов грузить их трофеями (на этот раз забрали все, что удалось собрать).

Был ещё один, никем не замеченный свидетель: восьмилетний Константин. Он как раз пробирался к пещере дракона, надеясь на очередную выгодную мену, и увидел вдалеке конных. Правда, мальчишка был совершенно несведущ в части сухопутных мундиров, но на всякий случай решил затаиться в сухих камышах и поглядеть на развитие событий. Насчёт того, что моряки что-то такое вывозят, Костя догадался. Увидел он и прикрытие в лице казаков, которые очень быстро скрылись из поля зрения – ну точно как в игре «казаки-разбойники». А ещё мелкий заметил пасущийся невдалеке кораблик без мачт и парусов.

Первые взрывы заставили мальчика плотно вжаться в сыроватую землю. Он даже не чувствовал холода, настолько было страшно. А так как никаких дымов ниоткуда не появилось, то поражение красно-синих всадников (они были кем-то из чужих, ясно дело) мальчишка приписал действию могучего колдовства. Поскольку дракон явно был в хороших отношениях с российскими моряками, то показалось вполне очевидным, что он насылает свою волшебную силу на турок, а заодно и на англичан с французами.

Юному торговцу подумалось, что господин Таррот в горячке боя может колдануть чуть в другую сторону, а попасть под раздачу (даже случайно) Косте до ужаса не хотелось. Вот почему он дождался, когда взрывы стихнут, а казаки вылезут наружу, и... Нет, мальчишка не припустил с этого места что есть духу. Ничуть не бывало! Он самым осторожным образом прокрался до того места, откуда никого уж видно не было, и лишь тогда мелкой трусцой поспешил к своему дому.

На улице толпились группки людей. Все обсуждали услышанную канонаду. Встревать в разговоры старших, разумеется, не следовало. За такое можно было и подзатыльник огрести. Вот почему Костя без остановок нырнул в родную дверь.

Старшая сестра казалась взволнованной. Может, причиной её взвинченности стала канонада. Но не исключено, что повлияло присутствие соседа, Серёги Длинного.

Это был человек высокообразованный (он умел читать, писать и даже считать). Кроме того, он числился бывалым, и не только в силу возраста (а было ему почти пятнадцать), но и по роду занятий, ибо многознающий сосед помогал отцу в лавке и имел возможность беседовать с покупателями.

Серёга, обычно чуть высокомерный, на этот раз даже обрадовался приходу мелковозрастного.

– Ну что, слышал? – начал он.

– Ага, – осторожно ответил Костя.

– Небось и не знаешь, что да как.

– Ну, это оно... как есть.

– «Морской дракон» палил, вот что такое было.

В сердчишке у мальчика ёкнуло. Он мгновенно подтвердил себе свой же вывод насчёт крылатого обитателя пещеры. Вслух же сказал:

– Неужто сам дракон?

– Не сам, конечно. – Старший в кои-то веки решил проявить снисходительность. – Пушки с него палили.

– Да разве у него есть пушки?

Длинный не удивился наивности соседа. С высоты почти что пятнадцати лет любой восьмилетний кажется воплощением юной дурости.

– Эх ты, недоросля. У любого военного корабля есть пушки, и много притом. Мне дядя Пётр говорил. Сам этот «Морской дракон» мчит как ветер, а пушки у него огромные, ты сам в такую залезешь, да ещё место останется. А уж бонбами может пуляться, так что ух ты! Теперь понял?

Разумеется, малолетний понял. И громко восхитился глубокими познаниями Серёги Длинного.

Глава 6

Наступление армии союзников на Севастополь имело большие последствия для севастопольских защитников даже по медицинской части. Поток раненых стал гораздо больше. Медикам прибавилось работы. Не только офицеры – старые унтера без сожалений расставались с накопленными (более чем скромными) капиталами, лишь бы не остаться калеками. Весь госпиталь знал о Марье Захаровне и её дивных умениях.

Мариэла по некотором размышлении пустилась на хитрость, пообещав, что будет лечить бесплатно, но за это излеченный отработает охранником. Никто из выздоравливающих не знал, что за диковинные серебряные пластинки выдают и почему надо отсекал посетителей в том случае, когда крохотный камушек начинает светиться, но следовали правилу неукоснительно. Узнав об этом, Неболтай в частном разговоре с Мариэлой заметил, что серебро вполне могут пропить, и будь на охране не унтера и офицеры, так оно, вероятно, и случилось бы, и скорее рано, чем поздно, – но контингент попался куда более ответственный. К тому же Марья Захаровна объявила во всеуслышание, что если этот предмет пропадёт, то за лечение с потерявшего возьмут полную сумму.

Отдать должное хорунжему: он постарался наладить охрану на совесть. В ход пошли не только (и не столько) советы, но и личные регулярные проверки. Во время как раз такой проверки случилось событие, которое не стоило причислять к маловажным.

Заполненный госпиталь прибавил забот не только медикам. Духовные лица вынуждены были организовать дежурство: исповедовать, соборовать, а порой служить заупокойную. В тот день церковные обязанности исполнял благочинный Александр. Он как раз проходил мимо коек, где трудилась Мариэла, и услышал, как она произнесла несколько слов на маэрском. Рядом же случился Неболтай, о котором все уже знали, что он выучил язык сих иностранцев.

– Что она сказала? – поинтересовался священник.

– Тёмного по матушке изругала, – объяснил хорунжий.

Благочинный был отнюдь не глуп и догадался о точном значении фразы, но на всякий случай спросил:

– Кто ж такой этот тёмный?

– Это так они чёрта поминают, но на их языке не принято называть его прямо. Ну вроде как по-нашему говорят «нечистый» или «лукавый».

– Коль сия девица искренне отвергает диавола, то, значит, она христианка?

Этот был тот самый случай, когда не особо богобоязненный казак всё же не решился солгать.

– Нет, батюшка, в их краях о Христе и не слыхивали. Сам точно не знаю, во что в их стране веруют, но чёртом ругаются, это верно.

– Поговорить бы надобно с оной девицей... – задумчиво молвил отец Александр. Но развивать мысль не стал, тем более его ждал очередной солдатик, желавший исповедоваться.

* * *

У лейтенанта Семакова состоялся разговор с Нахимовым. Адмирал предложил очередное «без чинов» и тут же перешёл к делу:

– Владимир Николаевич, теперь уж могу вас поздравить с капитаном второго ранга. К сему Владимир четвёртой степени с мечами, а вашим помощникам – Анна четвёртой же. Но на сем хорошие новости заканчиваются. И пойдут плохие-с. – Пауза. – Неприятель обустраивает позиции на северном фланге. Как подтянется артиллерия, французы получают возможность

обстреливать Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты, также... Ладно, это к делу не относится. Доложите о возможностях отпора-с.

Лейтенант почувствовал, что имеется шанс на получение преимуществ для своих. Он даже нарочито перешёл на уставное обращение:

– Ваше превосходительство, в радиусе мили от Камчатского люнета наши гранатомёты уничтожат как артиллерию, так и вражеские колонны, буде пойдут в атаку. У нас имеется опыт. Однако вижу два препятствия. – Пауза была совсем крошечной. – Первое: ограничение по количеству гранат. Запас весьма недостаточен, и, того хуже, у неприятеля имеется возможность перерезать снабжение. Второе: предполагаю значительную опасность от возможных действий своих же. Любой штаб-офицер может подойти к мичману Шёбергу и отдать приказ палить, не зная особенностей наших гранатомётов. Хорошо, если он лишь гранатомёт погубит, а ну как людей? У меня обученных и искушённых в деле комендоров по пальцам одной руки сосчитать можно. Или прикажет диспозицию батареи изменить. Имею в виду, могут подойти... кхм... персоны, которые способны... кхм... сильно затруднить наше дело. В пехотное прикрытие батареи точно так же надо назначить лишь из тех, в ком я уверен... кхм... в этом смысле.

Павел Степанович угадал мысль подчинённого ещё до того, как тот успел её высказать.

– Лейтенант, что вам нужно для наилучшего выполнения воинского задания?

– По первому пункту: надобно закрепиться на мысе Херсонес. По меньшей мере один гранатомёт с пехотным прикрытием. Высадку мы можем обеспечить в Камышовой бухте, сейчас там неприятеля нет. Доставку припасов, провизии и воды можем обеспечить. По второму: понадобится ваш письменный приказ о подчинении батареи лейтенанта Шёберга непосредственно вам. Тогда его будут просить оказать поддержку гранатами, а не приказывать. Разумеется, у командира батареи будет право отбора людей в пехотное прикрытие.

– Ваши претензии весьма велики-с, – налился холодом голос адмирала.

– Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, при их удовлетворении и возможности будут велики. Не далее как нынешним утром пятнадцать пластунов под началом хорунжего Неболтая с помощью наших гранатомётов полностью уничтожили сотню конных разведчиков. Пленных я, разумеется, не считаю. Особо отмечаю: при отсутствии потерь со своей стороны.

Нахимов скорее удивился, чем разгневался:

– Почему мне не доложили?

Ушлый лейтенант догадался, что вопрос был риторическим, и потому строго следовал уставу:

– Не могу знать, ваше превосходительство! О действиях «Морского дракона» рапорт мной подан. Однако казаки мне не подчиняются. А в деле участвовали лишь охотники из пластунов. Если же хорунжий Неболтай подал рапорт вверх по команде, то мне об оном ничего не известно.

Адмирал прикрыл глаза и застыл в размышлениях. Через полминуты последовало:

– По первой пропозиции выражаю своё согласие. Будут даны указания. По второй же сделаем иначе. Я лично поеду на осмотр люнета, заодно погляжу на ваши гранатомёты. Сверх того... Лейтенант!

Адъютант появился мгновенно.

– Рапорт капитана второго ранга Семакова у вас?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Несите сюда.

Нахимов быстро схватывал суть написанного.

– Так выходит, ваши гранатомёты палили, не видя цели, и притом попадали?

– Так точно, ваше превосходительство. Осмелюсь предположить, что при наличии видимой цели пальба будет намного быстрее. Поправки, передаваемые голосом, а не флажным семафором...

– Можете не продолжать, капитан второго ранга. Делаю вывод, что противодействие неприятелю может замедлиться с я отсутствием или недостаточностью гранат. Так, значит, деньги понадобятся?

– Никак нет, ваше превосходительство – время. Поставщики могут не успевать за нашими заказами.

Командор Малах в процессе боя и после него вёл себя нелогично (на сторонний взгляд). Во-первых, он не задал ни одного вопроса, а уж если держаться правды, то вообще не сказал ни слова. Впрочем, он слышал все депеши, которые доводились до сигнальщика для передачи их на «Морского дракона». Во-вторых, он сразу же по окончании боя распрощался и ушёл, не попытавшись хотя бы посмотреть трофеи. А будь окружающие ясновидцами, то углядели бы ещё одну странность: он, прибывши домой, не сел за обед, а принялся делать расчёты и составлять доклад.

Запихнув пачку исписанных листов в футляр, Малах сел на коня и направился к порталу. Правда, он захватил с собой винтовку с пистолетом, но внутренне совершенно не ожидал встречи с противником. Выработанное долгой службой чутьё молчало.

Через пару часов означенная пачка уже лежала у Сарата. Он прочитал всё очень внимательно, подумал и вызвал к себе подчинённых.

– Вот что, ребята, есть новое задание. Читайте.

Бумаги пошли по кругу и в конце концов вернулись к председательствующему.

– Конструкция по вашей части, – обратился он к *Хорогу*. – Обращаю внимание: вот существенное отличие.

Мастер глянул, запустил пальцы в шевелюру, тут же опомнился, положил предательницу руку на столешницу и уточнил:

– Двадцать, говорите?

– Малах настаивает. Но их общий вес будет тот же. Затвор, понятно, меньше.

Оружейник с видимым усилием удержал руку на месте.

– Нет, гранатомёт выйдет, конечно, полегче предыдущего. Но не очень понятно его применение. По кораблям – так слабо выйдет...

– То-то, что не по кораблям. Это против пехоты и кавалерии. Мастер Валад, что у нас по заготовкам?

– Берусь сделать десять кокилей в один день... хотя нет, есть лучшая возможность. Гранаты существенно меньше предыдущей версии. Если я правильно понимаю, с налаженным амулетом трансформации производительность в пятьдесят гранат в день не кажется запредельной, но лишь при весе гранаты не более тринадцати фунтов. Граната без кристалла пойдёт по серебрену. Чего там: работа для подмастерья.

– Торот, что скажете о цене амулета трансформации?

– Такой берусь сделать, если дадут надлежащий кристалл. Конечно, лучше бы специализированный...

– С магнетитом не особо богато.

– Ну, так прозрачный кварц. Круглым счётом... э-э-э... для четырёхдюймового кристалла будет амулет с запасом действия на две недели. Обойдётся в золотой. А если таких нужно много, то дам оптовую скидку.

– Шахур?

– По моей части большой экономии не получим. Кристаллы те же, хотя величину можно взять поменьше, это так.

– Сроки? Мастер Валад?

– Менять оснастку не надо, обойдусь старой. Пять дней, и заготовки будут. Начну производство гранат, как только получу амулет или амулеты.

– А мне полдня на чертежи. Хотя нет, больше. Малах попросил зубчатые колёсики с маховичками для регулировки положения ствола... два дня на чертежи и ещё столько же на изготовление.

– Всё ясно, ребята. Работаем!

Кавалеристы ходить своими ногами не только не любят, но и не умеют, если сравнивать их с пехотой. Вот почему только вечером разведчик французов добрался пешим ходом до своих.

Товарищи по оружию, разумеется, накормили и напоили вымотанного до предела парня. Но после этого начальство устроило форменный допрос. Молодой француз изо всех сил старался докладывать так, как его учили, то есть придерживаться фактов. Но он не имел представления о механизме случившегося. В результате сами по себе факты выглядели настолько фантастично, что вызвали у слушателей крепкое сомнение в здравости рассудка единственного уцелевшего из сотни разведчиков. Но всё изменилось после упоминания о появлении русского корабля вблизи берега.

Слова рядового были тщательно запротоколированы, и копия протокола отправилась в Балаклаву к флотскому начальству. А к мысу Херсонес потянулись под белым флагом дроги с целью забрать тела погибших. Возглавлял эту процессию французский лейтенант де Токнай. Он получил строгий приказ: ни в коем случае не вступать в конфликты с русскими, не претендовать на территорию, но держать глаза и уши открытыми.

Иномирцы в лице магистров занимались изысканиями в части практической магии: обследовали возможность приспособить пересланный из Маэры алмаз для компенсации негополя вполне конкретного человека – унтер-офицера Синякова. Разумеется, иноземцы не знали выражения великого Суворова «Каждый солдат должен понимать свой манёвр», но по наитию его пользовали.

– Понимаете, сударь, вы не совсем обычный человек. Ваши энергетические потоки не такие, как у других. Мы хотели бы их обследовать и попробовать изменять, если такое вдруг понадобится. Для здоровья совершенно безопасно. Самое худшее, что вам грозит, это ощущение... ну, будто вас что-то щекочет. По слухам, такое возможно.

– Лично я думаю, что насчёт щекотки – полная выдумка, – вмешалась Мариэла.

– Ну, может, и выдумка, но вы уж, сударь, обязательно нам скажите, если вправду щекотка появится. Но если у нас получится задуманное – о, тогда мы сможем предложить вам работу за пятьдесят рублей в месяц золотом. Ну, не пожизненную, но уж один месяц наверняка. Сразу могу сказать: работа почти такая же, но только поездить придётся. С таким редким человеком наверняка захотят побеседовать очень важные господа, а вы ответите всю правду, вот это и будет работа. Конечно же о вашей прежней службе рассказывать не придётся, это никому не интересно.

– Я-то со всем удовольствием, но с условием, однако ж.

– Каким?

– Если уж очень щекотно будет, то откажусь от работы, и рублей тех мне не надо. Немцы переглянулись.

– Я согласен.

– Я согласна.

Работа началась, и щекотно не было. Барин с барыней светили крохотными камушками, гасили их, снова светили в других местах, потом рыжий говорил, а барыня записывала на листах иноземными буквами. Говорили они по-своему, и оба полагали, что российский унтер-офицер ничего не поймёт. Они ошибались.

Синяков и вправду не знал ни слова на маэрском. Но интонации он почувствовал. Судя по ним, у тех двоих выходило плохо. Или даже вообще не выходило. Тем не менее деньги немцы отдали сполна.

Работу однорукий унтер посчитал нетрудной. Сиди себе поглядывай, а обещанной щекотки он так и не дождался. Под самый же конец барин вздохнул и молвил:

– На этот раз не получилось. Ну да ничего, завтра ещё попробуем.

Высокие морские чины союзников по единодушному согласию собрали экстренное совещание, на которое также прибыли командующий объединёнными силами маршал Сент-Арно и командующий английским экспедиционным корпусом лорд Раглан. Английский адмирал Дандас сказался больным и по сей причине отсутствовал.

Впервые «Морской дракон» поддержал своей артиллерией сухопутные действия. Конечно, рассеять и частично истребить сотню кавалеристов – не ах какой великий подвиг, да и меткие русские стрелки тому сильно способствовали. Но и сухопутное, и морское начальство, отдать должное, сразу же увидели, какую опасность может создать для левого фланга войск коалиции меткая стрельба орудий этого быстроходного корабля. В качестве вводной были также оглашены рапорты спасшегося кавалериста и лейтенанта де Токная, но ясности и понимания обстановки они не принесли.

По мнению присутствовавшего на собрании коммодора Скотта, совещание являло собой образец беспорядка и нарушения флотских традиций, что можно было объяснить лишь большим количеством французских представителей. Те устроили форменный галдёж:

– ...Камышовая бухта для стоянки кораблей была бы пригодна лишь при отсутствии этого «Морского дракона». В ней просто нельзя расположить строй фронтом, как того требует тактика...

– ...Нельзя уступать противнику левый фланг! Оттуда русские могут угрожать...

– ...Что до русской эскадры, то у них попросту не осталось кораблей линии, так что вполне полагаю возможным пренебречь...

– ...Хотел бы я знать, где на этом участке можно расположить артиллерию, не говоря уж о её пехотном прикрытии. Так что никаких угроз не вижу...

– ...Полагаю, противник в состоянии устроить временные укрепления...

– ...Полковник, скажите: сколько времени потребуется на обустройство позиций? Ах, вот как? В таком случае уверяю вас, господа, что...

– ...Но почему вы не учитываете прибытие наших бронированных артиллерийских кораблей? Уж они-то вполне могут справиться с этим корабликом русских...

– ...Ну хорошо, пусть они не в состоянии его догнать, но уж отогнать могут, не так ли? Но в этом случае у нас появится возможность...

– ...С практической точки зрения: когда мы можем рассчитывать на их прибытие к Севастопольскому порту?

– ...Вы не учитываете необходимость сбора дополнительной эскадры для сопровождения бронированных сил. Без них полагаю весьма затруднительным, если вообще возможным...

– ...Важнейшая точка обороны Севастополя – Малахов курган. Именно его прикрывают Камчатский люнет вот здесь, а равно Селенгинский и Волынский редуты русских. И вот отсюда наши храбрые войска могут нанести удар, не опасаясь...

Осторожность победила. План приняли следующий: в радиус действия орудий «Морского дракона» не входить, мыс Херсонес оставить русским, поскольку ни для кого другого он интереса не представляет. Высадиться в этой точке русские не смогут: задача неразрешимая при тамошнем рельефе берега да глубокой осенью. Что до блокады Севастополя, то она осуществима и без войск на южном берегу Камышовой бухты. С северного же её берега можно простреливать любую позицию на противоположном берегу. Сент-Арно и лорд Раглан

сошлись во мнении, что перед штурмом совершенно необходим артиллерийский обстрел Камчатского люнета, а также Селенгинского и Волынского редутов. Уроки атаки лёгкой кавалерии при Альме оба помнили превосходно.

В пылу совещания никто не спросил мнения Фрэнсиса Скотта. А тот задал сам себе несколько интересных вопросов.

Что именно вывозили русские с мыса Херсонес? Имущество было явно ценным, иначе на его охрану не послали бы едва ли не самый боеспособный во всём Чёрном море корабль. Очевидного ответа на этот вопрос не нашлось.

Не могут ли русские обустроить морские орудия на сухопутных позициях? Судя по тому, что бомбических ядер у них весьма немного, ответ должен быть отрицательным, но технически такое вполне возможно. Конечно, в случае самой жестокой необходимости.

Откуда вообще берутся боеприпасы к орудиям этого «Дракона»? В условиях полной блокады Севастополя (а таковая виднелась в ближайшей перспективе) их просто неоткуда взять. Если, конечно, не предположить наличие огромных складов, но, судя по тактике морских боестолкновений, таковые отсутствуют.

Допустим худшее: орудия этого типа установят на севастопольских укреплениях. Что может это дать русским? Точнее, какие могут быть последствия для коалиции?

Протоколу допроса выжившего кавалериста коммодор Скотт доверял: очень уж описанная уланом картина совпадала с виденной на море. Если у русских вдруг каким-то образом окажутся в распоряжении их грозные бомбы, а эффект от их применения будет соответствовать описанию, то взятие Севастополя лобовой атакой следует исключить из списка возможного. Естественно, при достаточном количестве таких боеприпасов.

В своих размышлениях Скотт был вынужден признать: идея подключения броненосных кораблей к осаде (а заодно и эскадры в десять вымпелов, если верить предположениям французов) выглядит вполне здоровой. Конечно же русский капитан не полезет под их орудия. Да и в Камышовую бухту не сунется: очень уж она узкая, а ведь манёвренность – одна из главных составляющих успехов «Морского дракона». Именно она позволяла до сих пор этому кораблику легко уходить из-под обстрела. В чём-чём, а в недостатке осторожности его командира не упрекнуть...

Тут английского капитана кольнула мысль: а почему, собственно, русский проявляет это качество? Уж точно причина состоит не в трусости; подобное Скотт не мог предположить и в горячечном бреде. Тут другое...

Через полминуты англичанин чуть заметно улыбнулся. Ну, естественно! У русских просто нет возможности построить здесь и сейчас корабль того же типа. Поэтому капитану приказано не рисковать понапрасну. Разумное решение.

То, что произошло в лагере войск коалиции утром, было следствием совпадения нескольких факторов. Первый из них – простое человеческое любопытство доктора Марка Жюссона. Молодой врач ещё не утратил стремления к новым знаниям, привитое ему в Руанском университете, а некоторые из убитых французских кавалеристов выглядели необычно. Вторым фактором была по-зимнему холодная погода: тела погибших разлагались с меньшей скоростью, чем это случилось бы летом. Третьим – занятость начальства, которое в ответ на просьбу разрешить небольшое исследование раздражённо велело не путаться под ногами, когда и без того дел полно.

Доктор добросовестно освидетельствовал останки кавалеристов. Результаты были неожиданными.

На четырёх трупах сгорела одежда, досталось и кожным покровам. Доктор посчитал, что обширные ожоги и стали причиной смерти. По крайней мере, он твёрдо знал, что выжить с такими невозможно.

Ещё два десятка погибли от пулевых ранений. Ну, для военного врача эта причина смерти была обычной. Доктор не поленился и извлёк целых пять пуль. Ему показался странным столь малый калибр русских ружей, но ранения получились смертельными, тут ошибиться нельзя. Мысленно французский врач особо отметил, что пулевые раны были не очень аккуратно перевязаны, впрочем, это не помогло пострадавшим выжить. Оказанная кем-то помощь, видимо, остановила наружное кровотечение, но ничего не сделала (и не могла сделать) с внутренним. Также доктор, хоть и не был боевым офицером, отметил меткость стрельбы: не было ни одного тела, не получившего пули в грудь или в живот.

Пятерых кавалеристов буквально разорвало. Вот тут у мэтра Жюссона возникли небольшие затруднения. Причиной могло стать попадание целого ядра или крупного осколка, но последних в телах найти не удалось. С аналогичными ранами врач конечно же сталкивался.

Ещё трое явно погибли от удушья, а уж ему-то совершенно неоткуда было взяться. Но доктор по некотором размышлении признал, что козь скоро что-то горело (а иначе откуда ожоги?), то гибель от невозможности дышать, как это бывает при пожарах, может показаться ожидаемой.

Остальные сорок пять человек представляли собой загадку. Примерно половина из них была жестоко контужена. Перед смертью у них шла кровь из носа, глаз и ушей. Причины смерти других врач установить не смог. Он предполагал, что они, попав под действие сильных взрывов, погибли от их ударного действия, но доказательств не было.

Без сомнения, французский врач был в высшей степени добросовестным медиком. Он аккуратно заполнил все протоколы. Они в должном порядке попали в специальный сундук для медицинских документов. Честолюбивый мэтр Жюссон думал о статье, которая вполне бы могла пойти, скажем, в ежегодный сборник трудов медицинского факультета Руанского университета.

Свежий капитан второго ранга и обладатель Владимира четвёртой степени зашёл к Нахимову за приказом, согласно которому командир батареи получал полную свободу рук. Возле приёмной Семаков наткнулся на писаря Синякова. Тот как раз выходил из кабинета адмирала со стопкой бумаг. Лицо однорукого унтера было настолько ужасным, что могло испугать любого офицера российского флота, когда-либо служившего под началом Павла Степановича.

– Братец, что такое случилось? Адмирал здоров ли?

Будь у ветерана вторая рука, он ей махнул бы в расстроенных чувствах.

– Мне дали переписать приказ главнокомандующего. Ей-богу, ваше благородие, уж лучше бы какая хвороба!

Слова прозвучали почти кощунственно, но командир «Морского дракона» сразу догадался, что новости не из разряда ординарных.

– Да говори, чего уж там, всё равно узнаю. Поди, на всех кораблях велено зачитать?

Последовала нехорошая пауза.

– Приказано линейные корабли затопить по списку, чтоб неприятель не прорвался в Севастопольскую бухту. Армия отступает, а нам... отстаивать придётся. Там уж в бухте Владимир Лексеич... того... командует. – Тяжкий вздох. Рот немолодого унтера скривился, но тот превозмог себя и добавил: – Поздравляю, ваше благородие, повышением в чине. Но только Христом-богом прошу, не ходите к Пал Степанычу.

Понять такую совершенно не унтерскую деликатность Семаков мог, но решил, что может найти нужные слова для адмирала.

Войдя, кавторанг тут же пожалел о собственной бездумной храбрости. Лицо Нахимова было чёрным от горя и гнева. Сухим бесстрастным голосом адмирал произнёс:

– Приказ, что вы запросили, готов. Вот он.

Не было сказано вслух, но прямо чувствовалось дополнение: «И убирайтесь отсюда к разэтаким матери».

Надо было что-то сказать. Младший по званию встал по стойке «мирно».

– Ваше превосходительство, экипаж «Морского дракона» сделает всё, что в силах человеческих, чтобы Севастополь устоял. – Пауза. Сглотнув, Семаков добавил: – Кроме того, мы сделаем то, что за пределами человеческих возможностей. Честь имею!

В глазах адмирала блеснула короткая живая искорка – и тут же погасла. Чуть заметным жестом он разрешил посетителю удалиться.

Выйдя на воздух, Семаков позволил себе облегчение чувств большим боцманским загибом. Он знал эти корабли. Мало того: он знал большую часть служивших там офицеров. Он мысленно представил себе – а что, если бы пришёл приказ уничтожить «Морского дракона»? И ведь не выполнить нельзя! От такой мысли на душе стало ещё гаже.

Но сразу началась привычная работа: анализ. Линейные корабли – допустим, но ведь остаются ещё пароходофрегаты, да и парусники поменьше тоже. Нет, ещё не всё потеряно.

Глава 7

Матросы с «Морского дракона», отряженные на сухопутную позицию, были чрезвычайно заняты. Под руководством мичмана Шёберга они собирали и устанавливали гранатомёты. Не обошлось, разумеется, без подначек со стороны соседей-артиллеристов.

– Что ж за перекладина на пушке? Портки сушить, что ль?

– Ну и орудие у вас, с таким тоненьким стволом воробьев пугать в самый раз!

Артиллеристы с «Морского дракона» небрежно и лениво отругивались. У них были основания для вальяжного поведения – любовно надраенные кресты, сиявшие на неярком зимнем солнце.

– И воробья можем напугать, но вот беда: в открытом море такие не водятся. Вот и приходится вражеские корабли топить. И не орудия это – гранатомёты. Гранатами, стал-быть, охаживаем.

Насмешник чуть сбавил градус напора:

– Отчего ж не ядрами?

– А вот как покажем, что эти гранаты делают, так сразу и поймёшь, – солидно отвечал Плёсов, – мы-то уж и видали, и слышали, аж посейчас в ушах звенит.

В разговор вступил седоусый армейский фельдфебель от соседей:

– Они, что ль, бомбические, эти гранаты?

– Да нет, и почище того будут.

– Я ведь не шутейно спрашиваю, – с намёком на укоризну отозвался сухопутный.

– Отставить разговоры! Плёсов, тебя в первую очередь касается! А ну, братцы, устанавливай щиты. Начинать с ближнего. Да берите восьмером!

– Ваше благородие, так вшестером справлялись.

Мичман, вопреки ожиданиям, ответил без малейшей фанаберии:

– Знаю, что вы все силачи превеликие, но тут запас потребен. Не ровён час, у кого нога подвернётся или там рука соскользнет... Давайте щит к гранатомёту... Тароватов, чуть двинь на меня... хорош... а теперь всем вместе маленечко вон в ту сторону... Отменно! Закрепляй, братцы.

– Эт-та что такое?! Мичман, что за непотребство вы тут на пушку устанавливаете? – послышался начальственный рык.

Шёберг, сохраняя на лице истинно северную невозмутимость, командовал своим матросам:

– Продолжайте закреплять! Максимушкин, проследи, чтобы всё в аккуратности сделали. – После чего повернулся на голос. Тот принадлежал неизвестному подполковнику.

Мичман действовал строго по уставу: козырнул, назвалсЯ и разъяснил положение дел:

– Мичман Шёберг, второй помощник с корабля «Морской дракон», честь имею! В настоящее время команду батареи из двух гранатомётов, каковые в данный момент собирают мои подчинённые. Орудия на батарее отсутствуют. Осмелюсь обратить внимание: конструкция сих гранатомётов представляет собой военную тайну.

Штаб-офицер в слова не вслушивался, ибо находился на точке кипения.

– Немедленно снять эту железку! У вас артиллеристы настолько трусливы, что боятся пуль и прикрываются щитами? Вы дух воинский подрываете!

Вопреки второму принципу термодинамики голос Шёберга сделался холоден:

– Назовите себя и цель вашего пребывания на батарее.

– Подполковник Терёбилов, Вольнский полк. Назначен в помощь артиллеристам. Потрудитесь исполнить приказ, мичман!

– Я не ваш подчинённый, господин подполковник...

Это было плохо замаскированной дерзостью, самое меньшее. Согласно армейским традициям, младшие офицеры при обращении к подполковнику приставку «под» опускали. Но именно в данный момент Шёберг не был настроен на повышенную учтивость.

– ...И нахожусь здесь по приказу вице-адмирала Нахимова. Также в пределах моих полномочий допускать в расположение батареи только тех, у кого имеется надлежащее разрешение... – Из кожаного планшета был извлечён письменный приказ Нахимова. – Извольте прочитать со вниманием.

Подполковник проявил нерешительность. Судя по необыкновенно наглому поведению мичманишки, приказ он имел серьёзный, и читать эту бумагу не было никакой нужды. Надо было отступить с достоинством, но, пока штаб-офицер раздумывал на эту тему, мичман вспомнил про очень важное обстоятельство. Его рука скользнула к поясной кобуре и наполовину достала пистолет (на нём настоял командир). Огонёк светился.

– В ружьё!!! Примкнуть штыки!

В Волынском полку эта команда была бы выполнена, конечно, быстрее. Да и сами штыки имели не вполне парадный вид, правда, без ржавчины, но и блеска особого на них не было. Но всё равно цепь наточенных гранёных лезвий могла внушить уважение кому угодно.

Мичманский голос, как ни удивительно, стал ещё холоднее. Теперь он вполне мог заморозить Камышовую бухту.

– Господин подполковник, повторяю: мне приказано никого в расположение батареи не пропускать без особого на то разрешения вице-адмирала Нахимова или капитана второго ранга Семакова. За объяснениями обращайтесь к ним же. Запрещаю вам подходить к гранатомётам ближе чем на пятнадцать сажен! Тароватов, Плёсов! Проводить господина подполковника!

Почётный караул обычно не держит штыки наперевес. Именно об этом Теребилов вспомнил, удаляясь по разбитой тропе.

По уходе подполковника Шёберг продолжил командовать совершенно спокойно:

– Берись, братцы, за второй щит. Так... Теперь опускай... Помедленнее... Хорош! Закрепляй.

Командир батареи усиленно делал вид, что не замечает красноречивых взглядов матросов. Вместо этого он преувеличенно тщательно обревизовал ящики с гранатами. Итог не обрадовал: тридцать один выстрел. Разумеется, Шёберг не знал максимы, сложившейся почти через сто лет: боеприпасов не бывает много, их бывает мало или очень мало.

Пока матросы закрепляли гранатомёты на площадках, мичман вглядывался в отдалённые позиции неприятельской артиллерии. Они, собственно, ещё были в процессе подготовки, а сами орудия и вовсе не прибыли, но Шёберг уже прикидывал дистанцию. По всему выходило, что неприятельские пушки заткнуть вполне возможно. Куда большее беспокойство вызывала возможная кавалерийская или пехотная атака.

Время ещё оставалось, и командир батареи гранатомётов отправился к соседям. Мичман, разумеется, не имел сухопутного опыта, но в корпусе в гардемаринские головы вбили накрепко: если есть возможность заранее распределить цели для каждой артиллерийской палубы, то это надо сделать.

Осенние ночи тёмные. Наверное, поэтому никто не заметил, как ничем не примечательный бугорок на пустынном берегу вдруг зашевелился и из-под земли показалась голова в бескозырке. Неизвестный тщательно огляделся и тихо произнёс, обращаясь, очевидно, к самому себе:

– Никого на версту вокруг нет, ваше благородие.

Эта фраза явно содержала некое заклинание, поскольку следствием её было появление из-под земли небольшой группки людей. Пригибаясь, они поспешили чуть в сторону, остановились и стали что-то делать с небольшими предметами. Разумеется, посторонний (которого

тут не наблюдалось) не мог даже заметить этих движений. А их смысл вполне мог ускользнуть от этого самого постороннего даже при свете дня.

Группка по цепочке принялась передавать нечто тяжёлое, подбираемое с земли. Один за другим предметы непонятного назначения исчезали под землёй. А вслед за ними скрылись и люди, за исключением одного. Этот подошёл к обрыву, за которым шумел прибой, и спустился с него. Впрочем, он довольно скоро поднялся обратно и исчез вслед за своими товарищами.

Командир «Морского дракона» (именно он и был тем самым последним в группе) имел все основания быть довольным. Накануне его корабль крейсировал вдоль берега, никого не обстреливая. Целью была разведка. Семаков хотел убедиться, что доступ к portalу свободен. Поздно ночью предполагалось получить и отправить посылки, а заодно узнать у дракона результаты разведки. План удался.

В ином мире Сарат созвал очередную оперативку. Разумеется, первым делом он выслушал доклады.

Магистр Харир всё ещё отработывал методы выращивания кристаллов того, что Профес в своё время назвал фианитом. Нельзя сказать, что подвижек не было. Очередной сверкающий гладкими гранями кристалл имел в поперечнике аж целых полтора маэрсских дюйма.

– Успех налицо, дорогой Харир, но этого всё ещё мало, – подбил итоги председательствующий и направил взгляд на оружейников. – Как там насчёт гранатомётов?

– Через три дня будут готовы к отправке.

– Хорошо. Не забудьте известить наших через портал. И ещё новое дело. Сафар, это к тебе. Люди из того мира хотят купить кристаллы для магии воды и огня в подарок Тарроту. Первый не менее пяти дюймов, второй – примерно два с половиной. У тебя есть что в запасе?

Сафар, в полном соответствии со своим общественным положением, был рассудителен, нетороплив и многознающ.

– Это зависит от того, что ему нужно и как скоро. Свободные красные кварцы нужного размера есть, даже не один. А вот синие – мелкие, меньше требуемого, а делать заново – заготовка нужна; если прибавить огранку, так денька три на работу. Или же... – Пауза. Сафар искусно делал вид, что напряжённо вспоминает. Аудитория так же искусно притворялась, что поверила этому. – ...Имеется в запасе очень приличный танзанит. Четыре дюйма с четвертью в длину, два с половиной в ширину, дефектов нет. Если Таррота устроит...

Шахур не преминул поддержать свою репутацию записного спорщика:

– Хочу уточнить. Если подарок – дракону, то нужно специальную... специальное... ну, то, в чём они их носят.

Сказано было не особо точно, но все поняли. Сарат отреагировал первым:

– Драконы, как правило, используют браслеты. У Таррота точно имеется. Если в нём есть лишние гнёзда подходящего размера...

– А если нет?

– Ну, так сделать браслет специально для этих кристаллов. Кто возьмётся?

Все переглянулись. Ювелиров среди присутствующих не было.

– Тогда надо заказать. Шахур, ты размер помнишь?

– Лишь примерно, но можно сделать браслет раздвижным. На пружинках.

– Идёт. Организуй. Но только предусмотреть на нём несколько гнёзд для кристаллов. Мало ли, вдруг ему танзанит не подойдёт.

Нахимов сдержал слово и появился на Камчатском люнете. Первой его реакцией был удивлённый вопрос:

– Почему тишина?

Вопрос содержал в себе некоторое преувеличение: работы, начатые инженером Тотлебе-ном по укреплению люнета, продолжались, и бесшумными их назвать было никак нельзя. Но все поняли не высказанное адмиралом: союзники пока что люнет не обстреливали.

Командиры батарей скромно помалкивали, но вместо них ответил генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулёв:

– Господин вице-адмирал, траншеи противником только начаты. Артиллерийские позиции и вовсе не подготовлены. Не считаю нужным производить обстрел, который может причинить лишь незначительные повреждения.

Нахимов не был бы самым собой, если бы не уделил внимание нижним чинам, усердно возводившим укрепления:

– Налегайте, братцы. Чем крепче люнет получится, тем меньше русской крови неприятель прольёт-с.

Семаков также присутствовал при этом визите, рассудив, что на вопросы Нахимова по гранатомётам (если таковые будут) лучше отвечать кому-то поболее, чем просто мичману.

Павел Степанович остро глянул на тонкие стволы гранатомётов и задал ожидаемый вопрос:

– Как с гранатами-с?

– Маловато, ваше превосходительство, но рассчитываем пополнить. Если не будет проблем с возами, то сегодня подвезут. У нас на корабле есть запас, половиной поделимся с батареей мичмана Шёберга.

Видимо, опытный вице-адмирал уловил нечто такое в глазах сравнительно молодого капитана второго ранга, поскольку кратко распорядился:

– В семь часов вечера зайдите ко мне.

– Слушаюсь!

В вечернем разговоре с Нахимовым кавторанг Семаков был решителен и деловит:

– Ваше превосходительство, есть сведения от моего личного источника: караван торговых судов с подкреплением и припасами вышел из Стамбула. Одиннадцать вымпелов. Мы имеем возможность перехватить их и уничтожить, хотя бы частично.

– Вашего личного? – не сразу понял Нахимов.

– Мне Таррот Гарринович... согласился помочь.

– Понимаю. Почему уничтожить частично?

– Мы получили той ночью боеприпасы, но после того, как отдадим половину на Камчатский люнет, нашего остатка хватит на поражение четырёх кораблей. Шести – это если очень повезёт. Примите во внимание, ваше превосходительство: из показаний пленных следует, что тёплая одежда в неприятельских войсках в совершеннейшем недостатке. А если утопить транспорты с грузом и одежды, и лошадей, и пороха...

– Вы дружны с удачей, Владимир Николаевич. Дай-то бог вам не растерять её расположения... Действуйте.

Нахимов определённо сглазил.

«Морской дракон» вышел в море незамеченным. Он пошёл на пересечение каравану. И... не нашёл никого. Лейтенант Мешков проверял потоки. Глухая тьма. Это слово самым лучшим образом описывало состояние дел, поскольку наличие чужих отмечалось огоньком на серебряной пластинке. Командир не то чтобы не поверил своему старшему помощнику, но рассудил, что лишняя пара глаз не повредит, и взял серебрянку в свои руки. Результат был тем же. Броски корабля курсом на восток и на ост тоже ничего не дали. Сигнальщики, конечно, из всех глаз пытались углядеть ходовые огни (а без них в ночное время караван вряд ли обошёлся бы) – и ничего.

Командир был зол до такой степени, что нижние чины старались лишний раз рот не раскрывать и на глаза не показываться. И лишь под утро старший помощник осмелился высказать мнение:

– Владимир Николаевич, а не могли они взять курс на Евпаторию?

– Перекрестись, Михаил Григорьевич! Оттуда грузы доставлять – это ж крюк верст сто! Нет, даже больше.

– Так что ж? Всё в целости довезут, а попадись нам на зуб, то верно уж пяти транспортных судов с грузом недосчитались бы. Мыслью, поостереглись они.

– Ты думаешь, такая у нас грозная слава? Хорошо, ради проверки сходим на Евпаторию. Только пока дойдём, они разгрузку начнут.

– Начнут, да не закончат. Рискнём, а, Владимир Николаевич? Уж нам-то не крюк.

– Добро. На руле: курс вест-норд-вест! На лаге держать двадцать!

– Слушвашбродь!

Старший помощник угадал. Разгрузка шла полным ходом.

До стоявших на якорях транспортов оставалось ещё мили три с лихом, когда последовали команды:

– К бою! Носовой и кормовой гранатомёты – товсь! Сигнальщик, доложи, как увидишь, который из кораблей сидит по ватерлинию.

Доклад последовал через минуту с небольшим. Мягонький добросовестно перечислил названия; впрочем, он ориентировался в звучании латинских букв, но английским не владел и потому доложил, в частности, о судне, именуемом «Соутхерн стар».

Начарт принялся отдавать приказы:

– Носовой, тебе крыть самый дальний к весту! Кормовой, на тебе его сосед! Видимость хорошая, кладите четыре гранаты вдоль палубы. Первую – на самоприцеле, потом доворачивать.

На «Морском драконе» никто не сомневался, что их кораблик обязательно заметят даже в суете разгрузки. Так и случилось. Но времени отреагировать у экипажей не было: корабли выстроились на якорях носом к ветру, разворот получился бы весьма длительным.

На берегу командиры оказались грамотными, а их подчинённые – расторопными. Кто-то сообразил, что скопившийся на берегу груз спасти вряд ли удастся, зато люди вполне могут убежать на своих двоих – и соответствующую команду они получили.

Пожар уже весело полыхал на двух первых судах. Большая часть гранат, нацеленных на транспорты, рванула непосредственно на палубе, разрывая обшивку бортов и калеча балки набора. Офицеры отметили это обстоятельство, сделав вывод, что почти весь экипаж занят разгрузочными работами, то есть на кораблях негаторов очень мало, а то и вообще нет.

Семаков рывкнул:

– Отставить четыре гранаты! Бить двумя, с них хватит, а нам ещё по берегу палить.

Лейтенант Мешков тут же выдал целеуказания:

– Носовой, отставить самоприцел, накрыть бочки, что на берегу! Кормовой, угости следующее судно двумя гранатами! Ага!

В одном из разваливающихся судов смертным визгом исходили лошади. В остальных, видимо, был неживой груз. Каким бы он ни был, пожар даже не успел разгореться: вода справлялась с изделиями рук человеческих быстрее, чем огонь.

На берегу после взрывов двух пристрелочных гранат случилось попадание, и бочки полыхнули огнём. Матросы подумали, что горит порох, и сопроводили удачу комендора Шумило дружным «Ура!». Пожалуй, только командир догадался, что огненными багровыми шарами взрывался вовсе не порох, а хлебное вино, бренди или виски, но о своей догадке промолчал, не желая причинить моральный ущерб команде. Впрочем, характер взрывов других бочек показал, что у тех внутри были не напитки, а что-то более взрывоопасное.

– Боцман, пять последних выстрелов не расходовать!

Учинив погром, «Морской дракон» безнаказанно ушёл на зюйд-ост. Семаков не знал, что в Евпатории противником захвачены склады, где хранилось шестьдесят тысяч пудов пшеницы. Но всё равно сделать он ничего не смог бы.

Когда русский корабль уже скрылся за горизонтом, старшие офицеры союзников стали подбивать итоги. К удивлению многих, потери в людях оказались сравнительно невелики – не более ста человек. Зато полностью погибли кони, запасы пороха и тёплой одежды. Слабым утешением оказалось то, что около двух третей продовольственных запасов и фуража уцелело.

Про себя же кое-кто из офицеров отметил ещё одну, невидимую потерю: сильное снижение боевого духа. Зато решительно у всех появилась ярость против флотских, которые ничего не сделали, чтобы защитить корабли и столь необходимый груз.

По прибытии в Севастополь на командира «Морского дракона», а также старшего помощника обрушился целый воз новостей. Главнейшим и наихудшим было известие о гибели адмирала Корнилова.

Прозвучал естественный вопрос:

– Как же так?

Отвечал незнакомый пехотный капитан:

– На Селенгинском редуте он инспекцию учинял, а противу того уж французы позиции подготовили. Ядром адмиралу ноги оторвало. Только и успел сказать: «Отстаивайте же Севастополь!» – и впал в беспамятство. А через час и преставился.

История оказалась упрямой дамой. Она выполнила свои намерения относительно адмирала Корнилова, и даже поторопилась.

Второй новостью было отсутствие обстрелов Камчатского люнета и Волынского редута. Впрочем, все до единого собеседники офицеров «Морского дракона» сходились во мнении: долго такая ситуация не продлится.

* * *

Гибель Корнилова вызвала у Мариэлы гнев, который окружающие не предвидели.

– Да как же вы меня не позвали! – бушевала она. – Уж я бы не позволила адмиралу умереть!

– Мария Захаровна, – увещевал ассистент фон Каде, – так ведь и для вас на редуте опасность велика.

– Уж поменьше, чем для адмирала! – отрезала упрямица. – Он наверняка на самый край выставлялся, не так ли?!

– Всё верно, но ведь ядра да осколки и подальше залететь могут.

– Спасать раненых – моя работа.

– А вас кто спасать будет, если, господи спаси, вдруг попадут?

– Сама спасусь! И свалить меня не так просто!

При всём благоприобретённом уважении к коллеге Эраст Васильевич не удержался от мысли: «Ну как есть девчонка неразумная», но конечно же не высказал этого вслух, опасаясь ещё худшей вспышки.

Хорунжий Неболтай удивился, получив приглашение от лейтенанта Малаха в форме: «Тихон Андропович, а ты не против посидеть нам вдвоём да поболтать? Я угощаю, найдётся бутылка лимонной».

Казак был не только высокообразованным, но и высокоопытным по этой части: он как-то раз попробовал лимон, почему и задал встречный вопрос:

- С нашим бы удовольствием, только, поди, оно кисло сверх меры?
- Да силы пресветлые с тобой, в этой водке от лимона только запах!
- Ин ладно, Малах Надирович. Можно посиделки устроить.
- Так зайдёшь к нам вечером?
- Только не очень поздно.

Хорунжий прекрасно понял, что к нему есть какое-то дело, но притворился, что испытывает огромную жажду и ничего более. По этой причине он озаботился отменной закуской: двухфунтовой буханкой хлеба вкупе с кольцом колбасы, чесноком да луком.

Некоторое время разговор за столом крутился вокруг выпивки и закуски. Лейтенант рассказал историю появления водки в его родном мире, хорунжий поведал о тонкой науке копчения колбасы. Но через пару чарок Малах приступил к тому, ради чего разговор и затевался:

– Видишь ли, Тихон Андропович, наблюдал я за тобой и товарищами твоими, как вы бой вели. Тебе ведь винтовочка в деле понравилась?

– Как нет! Ещё бы не понравиться!

– Стрелять вы начали примерно с тысячи шагов, и ты ещё приказал вести прицел снизу вверх, три пульки, чтоб наверняка попасть – так?

– Вестимо, так.

– Вот я и подумал, что эту хорошую винтовку ещё того более можно улучшить. Смотри-ка...

Глава 8

Никто не мог бы сказать, чем вызван скверный вид вице-адмирала: то ли горем от потери непосредственного начальника и друга (а Нахимов и уважал, и любил Корнилова), то ли свалившейся дополнительной ответственностью, то ли тем, что отныне некому будет брать на себя взаимодействие с вышестоящими светскими и военными лицами. Возможно, сыграли роль все три фактора. Вот почему Семаков счёл нужным построить свой доклад Нахимову совершенно не так, как раньше:

– Ваше превосходительство, есть хорошие новости. – Дождавшись ответной мимической реакции, командир «Морского дракона» продолжил: – Во-первых, наш рейд на транспорты был успешен. Сожжены запасы пороха, уже выгруженные на берег, утоплены четыре транспорта, по неподтверждённым данным, погиб иной груз, в том числе пополнение конями. Во-вторых, я получил извещение, что готовятся к поставке два гранатомёта, предназначенные для сухопутных действий, но с другим боезапасом – более дешёвым и в большем количестве.

– Селенгинский редут надобно выручать-с, – резко прервал доклад адмирал. – Да и Волынский скоро под обстрел попадёт.

Семаков вёл себя подобно опытному царедворцу: все возражения, поправки и добавления начальства он просчитал заранее.

– Так точно, ваше превосходительство, им лишь продержаться два дня. А там подоспеем с подмогой. Даже один гранатомёт на редут, как полагаю, существенно облегчит положение. Осмелюсь также предложить обучение как офицеров, так и нижних чинов на Камчатском люнете. Например, поручик Боголепов, которого откомандировал на «Морского дракона» генерал-лейтенант Васильчиков, уже кое-что видел. Равно полагаю возможным обучение флотских артиллеристов. Всё равно командиры гранатомётов понадобятся что на Селенгинском, что на Волынском редутах. У меня же больше нет.

Семаков немного исказил истину: лейтенант Мешков вполне мог бы исполнять обязанности командира батареи (или хотя бы одного гранатомёта). Да и сам он по артиллерийским умениям был не из последних. Но как командир «Морского дракона» капитан второго ранга подумал, что если планируется выход в море, то руководить им должны капитан и старший помощник. У Нахимова не могли иметься причины для отказа. А учебный выход был просто необходим: лучшие комендоры попали на Камчатский люнет.

Но события пошли не так, как предполагалось.

Есаул Вернигора был, вопреки обыкновению, сух на грани жесткости.

– Хорунжий Неболтай, этой ночью вам надлежит разведать степень готовности неприятеля к обстрелу Камчатского люнета и к атаке такового пешими силами неприятеля.

Не желая хоть как-то раздражать и без того взвинченное начальство, Неболтай ответил:

– Будет сделано! – и удалился готовиться к вылазке.

У есаула имелись основания для недовольства. Он крепко подозревал, что пластунам Неболтая, а заодно и другим казакам будет предписано оставаться на люнете, дабы прикрыть артиллерию, а это была задача для пехоты, и нечего ради такого дела рисковать лучшими казацкими пешими разведчиками.

Что до хорунжего, то на дело он взял с собой лишь тех, у кого были иноземные пистолы.

Вылазка прошла почти гладко. Слово «почти» хорунжий мысленно использовал, поскольку звук от пистолетных выстрелов, хотя и негромкий, всё же заставил врагов насторожиться. «Чпок», больше всего ассоциирующийся с откупориваемой бутылкой, обратил на себя нежелательное внимание – возможно, как раз потому, что навевал на мысли о выпивке. Это

чуть не стоило успеха пластунам, но супостатов, вставших в беспокойство, удалось с некоторым трудом утихомирить.

Положительный результат имелся и даже вполне весомый (примерно пуда четыре с половиной). Им был рядовой артиллерист английской батареи, которого упаковали со всей пластуной тщательностью и доставили в расположение своих на люнет. Сам Неболтай был не слишком искущён в чужеземных языках (маэровский не в счёт, понятно), а его товарищи – и того меньше, и по этой причине допрос проводили уже другие люди.

Кое-какие трофеи пластунам тоже достались. Большею частью это было оружие (захватили даже один штуцер, невесть откуда взявшийся у оружейной прислуги), но и денежки чуть отяготили казацкие карманы.

Но чувство, предупреждающее о надвигании чего-то опасного, не давало хорунжему спать спокойно. К тому же есаул запретил покидать люнет. В результате Неболтай разрешил своим спать, а сам пошёл быстрым шагом в сторону батареи Шёберга.

– Стой! Кто идёт?!

Казак чуть слышно, но явно одобрительно хмыкнул. Молодец мичманок, наладил караулы.

– Свои, братец. Вызови старшего. Скажи: хорунжий пластунов Неболтай тут. Мне бы по делу с мичманом переговорить.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем чуть заспанный, но настороженный Шёберг подошёл к посту. Разумеется, казака он узнал мгновенно. Правда, не в лицо (ещё не рассвело), а по голосу.

– Доброго здоровьичка, Иван Андреевич.

– И вам не хворать, Тихон Андропович. Слушаю с прилежанием.

– Были мы тут у неприятельских траншей. Вот что там оказалось...

Последовал рассказ на пять минут.

Шёберг думал не долго.

– Так вы полагаете, они с рассветом начнут?

– А чего ж не начать, коль скоро порох с бомбами да ядрами подготовлены? Палить по темноте без толку, понятно дело, но учтите всё ж: с утра солнце вашим молодцам в глаза бьёт. Освещён люнет будет прекрасно, а вражьи пушкаря того и надо. Да что я говорю, ещё до восхода могут начать.

– Хорошо ж. А вы что предлагаете?

– Опередить их.

– Легко сказать... дистанцию с ходу мои комендоры не ухватят, поправки понадобятся. Опять же, видно будет плохо.

– Ну, может, я и помочь смогу.

– ?

– Да вот вам святой крест! Не сходя с места: дистанция не более тысячи четырёхсот моих мелких шагов.

– ???

– Готов показать: примерно этак, – и казак прошёлся мелкими стелющимися шажками сажени две, – ну, правда, шли не по прямой.

Глаза у командира батареи прямо загорелись. Сна в них и на копейку не осталось.

– Ага-а-а...

Невыскательный слушатель сказал бы, что это слово было пропето. Зануда и критикан настаивал бы, что Шёберг (в соответствии с фамилией) его прошипел. Как бы то ни было, в расчётах дистанций мичман был отнюдь не из последних.

– Значит, будем пробовать. – И с этими словами мичман умчался поднимать команду по тревоге.

Правда, скромный и застенчивый казак не упомянул, что у него есть мерзенькое ощущение (причём отнюдь не в районе головы), что назревает этакое нехорошее.

Поручик Боголепов пребывал в возвышенных чувствах. Накануне вечером к нему явился посыльный от генерала Васильчикова и передал приказ: прибыть в распоряжение мичмана Шёберга на Камчатский люнет, пройти курс обучения, после чего он (Боголепов) получит в своё распоряжение гранатомёт, дабы сразаться на Волынском редуте.

Артиллерийский поручик был неглуп и отлично понимал, что успешный опыт с этой изумительной пушечкой – ступенька к карьере. От волнения он почти не спал и на Камчатский люнет поехал ещё затемно, рассчитывая попасть туда к восходу солнца.

Точно в то же время на позиции батареи попытался проникнуть флотский лейтенант Беккер, которого, как и Боголепова, остановили часовые. Шёбергу пришлось презреть сон, выйти к караулу, пропустить армейского поручика, лицо которого он помнил, и моряка, предъявившего командировочную бумагу (он оказался коллегой-артиллеристом с «Первозванного», к тому же знакомым). Впрочем, незаметную для посторонних проверку негации мичман учинил.

К некоторому удивлению как офицеров, так и нижних чинов, оказалось, что неприятель явно запаздывает с обстрелом и даже больше того: судя по подвозу других орудий в дополнение к существующим, а также увеличению запасов ядер и, похоже, пороха (его свозили в обвалованные укрытия), сегодня дело вполне могло и не состояться.

Такую возможность грех было бы упустить. Шёберг отвёл новоиспечённых гардемаринов в сторону, велел устроиться поудобнее и начал лекцию:

– Господа, данный гранатомёт как артиллерийская система кардинально отличается от существующих. В основе его действия лежит управление энергетическими полями, которые...

Диспозиция у союзников была уж давно обговорена. Генерал Канробер (он заменил заболевшего Сент-Арно) со всей уверенностью утверждал, что ключ к Севастополю лежит на Малом кургане. С этой точкой зрения согласились не только генерал лорд Раглан, командовавший английским экспедиционным корпусом, но и все штабные офицеры. Чего там говорить: даже адмиралы Нахимов и Истомин подписались бы под этими словами. Француз также выразил уверенность, что по овладении Камчатским люнетом эта цель станет куда более достижимой – и это тоже казалось верным. Конечно, атака с трёх сторон с предварительным захватом также Волынского и Селенгинского редутов была бы полной гарантией успешного штурма ключевой точки обороны, но... накануне выяснилось, что оба редута упорно держат оборону. Пехотный штурм без подавления артиллерии был предприятием сомнительным. Вот почему в соответствующем приказе требовалось сосредоточить огонь на люнете, но ни в коем случае не ослаблять подавление артиллерии других укреплений – с них не должно было попасть ни единого солдата в помощь соседям.

* * *

И Неболтай, и Шёберг ошиблись в предположениях. Командование союзников сочло, что боеприпасов для полноценного обстрела всё ещё недостаточно, и потому ждали ещё одного подвоза.

Команда «Морского дракона» почти закончила погрузку припасов на очередной рейд, когда на причале объявился Неболтай:

- Владимир Николаевич, с просьбой к тебе.
- Слушаю, Тихон Андропович.

– Вот письмишко... ну, ты знаешь куда... с заказом на ружья с пистолями, вот деньги на их оплату, а ещё вот бумаги на улучшение винтовочки. Дай бог здоровья Малаху Надировичу, он присоветовал.

– Добро, перешлю. – Моряк заметил некую потаённую мысль в выражении лица хорунжего и спросил: – Ещё что-то?

– Мне-то самому не можно люнет покидать, там мои готовятся к отражению нападения, а вот малую подмогу спроворю. Вот тебе двое моих казаков, Федька Малоручко да Ванька Гирич. Ты не смотри, что молоды, я сам их натаскал, с винтовкой обращаются знатно. Прикроют они твоих в случае... ну, всяко же бывает. Ты за обиду не почти, однако ж вещун мне шепчет – не обойтись вам без драки.

Семаков чуть задумался: нет, расширять круг знающих о пещере и портале не след.

– Тихон Андропович, не взыщи, но этих молодцов с собой взять не могу. Сам знаешь, что там у нас... лежит. Вот если б ты пошёл – другое дело.

Некоторое время Неболтай усиленно царапал ногтями затылок.

– А когда к причалу вернуться полагаешь?

– Ну, если ничего не помешает, то задолго до рассвета там будем. Как раз к «собачьей вахте», четыре часа пополуночи, по-вашему сказать.

– Эх-х-х... Ну ладно. Тогда уж я с вами, своими глазами прослежу, чтобы попало к кому надо. Федя, Ванятка, давайте обратно на Камчатский, да скажите вахмистру: я, мол, буду перед рассветом. Дело тут важное.

– Сделаем в аккурате, – последовал солидный ответ.

«Морской дракон» двинулся в сторону Камышовой бухты, когда до заката оставалось ещё порядочно времени. Семаков хотел удостовериться, что вблизи портала и пещеры нежелательных людей нет. Их не было. Зато был другой человек: Костя Киприанов, осторожно пробиравшийся в сторону драконьего жилища.

Семаков подумал и решил, что мальцу совершенно не обязательно знать о существовании грота-стоянки корабля и уж точно о том, где именно он находится. Значит, надо было опередить.

Манёвр входа в грот впечатлил казака, хотя по его невозмутимому лицу вряд ли кто мог угадать эмоции. Но таковые проявились при первом же взгляде на ведущую вверх лестницу.

– Владимир Николаевич, дозвожь мне первому подняться. Не ровен час, там вокруг шастают... всякие.

Казак снял шапку, заткнул её за пояс, с помощью одной руки (вторая держала винтовку) с недурной ловкостью поднялся вверх, откинул голову назад и лбом чуть приподнял крышку люка. Увиденное не обрадовало.

Довольно далеко, не менее полутора тысяч шагов, по зимней степи карьером нёсся всадник. От него в направлении берегового обрыва что есть духу улепётывал мальчишка лет восьми-девяти.

Форму кавалериста зоркий пластун различил сразу, ошибиться было трудно: англичанин. Ситуацию правильно оценил бы и менее опытный казак: у мальчика никакой возможности удрать не было.

Хорунжий скольльзящим движением протиснулся в люк, распластался на земле. Рука двинулась туда-сюда, помогая затвору дослать пулю в ствол. Большой палец опустил семечко предохранителя.

Казак не медлил – и всё же опоздал.

Сэр Уэйкфилд Прендергаст Мерриуэзер, двадцати трёх лет от роду, был офицером и джентльменом, потомком знатного рода. Разумеется, он служил в кавалерии. В ряды атакующих при Альме он не попал – в последний момент его лошадь была чуть задета шальным

каменным осколком, в результате чего всадник потерял возможность держаться в строю. Это позволило ему остаться в живых. Подразделение, где служил сэр Мерриуэзер, было уничтожено, и потому его назначили офицером связи.

В данный момент он находился на левом фланге артиллерийских позиций. Оглядывая по привычке местность, он заметил низенькую крадущуюся фигурку, выделявшуюся на фоне зимней осоки и камышей, и, конечно, отреагировал надлежащим образом:

– Лазутчик!

Дежурный офицер схватился за подзорную трубу.

– Полноте, сэр Мерриуэзер, это всего лишь мальчишка.

Голос аристократа был наполнен холодной вежливостью:

– Уверяю вас, лейтенант Перкинс, нас он видит не хуже, чем мы его. Лишние глаза тут ни к чему. Берусь уладить эту небольшую проблему.

Возражать Перкинс не стал, офицер связи не был его подчинённым. Также дежурный не упомянул, что совсем недавно видел у входа в Камышовую бухту порождение дьявола – по крайней мере, так его обзывали моряки – именуемое «Морской дракон». Лейтенант знал, что этот корабль может быть опасен своим пушечным огнём, но не знал, в какой степени опасен, а потому никакого предупреждения упрямый кавалерист не получил.

Офицер связи был истинным джентльменом и по этой причине побрезговал карабином казённого образца. Вместо него он взял любимое ружьё (кстати, оно было и легче, и намного надёжнее), но зарядил его не пулей, а картечью. Именно такое решение подсказывал богатый охотничий опыт. Любой НАСТОЯЩИЙ охотник (а сэр Мерриуэзер именно таким себя и считал) знает, что наиболее увлекательна охота – на двуногую дичь. И началась погоня.

Сказать правду, Костей руководил не разум, а древний инстинкт, присущий любому детёнышу: искать защиты у сильного. Он мчался к заветной лесенке, не думая, не рассуждая, даже не надеясь. Мальчишка чувствовал сердцем, что громадный, могучий и вовсе не злой дракон может спасти.

После того как грянул выстрел, воздуха, которого и так не хватало, стало совсем мало. Могучие удары в спину вышибли, казалось, самую возможность дышать.

Пластуна с ружьём сэр Мерриуэзер пропустил мимо глаз не по причине плохого зрения. Просто его разум отказался распознавать лежащего как стрелка, ибо всем известно, что стрелять лёжа солдат не может.

Хорунжий открыл огонь, когда до цели было триста шагов. Ради пушей уверенности он выпустил три пули, и, как выяснилось, зря, поскольку первая попала в верхнюю часть груди всадника, и уже она одна была смертельной.

Семаков наблюдал за боестолкновением. Он заметил, что мальчишка ранен или, может, убит. К счастью, моряк вспомнил, что дракон – маг-универсал, то есть должен что-то понимать в лечении. Вот почему сразу последовала команда:

– Боцман, найди фал в десять сажен и подай наверх!

Пока Кроев доставал требуемое и подавал командиру, казак успел подбежать к маленькому беглецу, взять на руки тщедушное тельце и бегом возвратиться к берегу.

– Плох, – выдохнул казак, – без Мариэлы не выживет.

– Тащи ко входу в пещеру, дракон поможет.

Услышав это, хорунжий молча подсадовал: он знал, что дракон универсал по специальности, но не подумал, что в число умений крылатого входит и магия жизни.

Семаков ловко и быстро перевязал верёвку каким-то хитрым узлом, закрепил её на мелком, и оба побежали к лесенке на берегу. Капитан второго ранга слетел вниз не хуже опытного марсофлота. Неболтай спустил груз до площадки.

- Таррот Гарринович, у нас раненый, – прозвучало в пещере вместо приветствия.
- На стол, – последовал краткий ответ.

Дракон мгновенно сообразил, что все вопросы можно задать потом. Куда важнее составить план действий.

Крылатый по части магии жизни был примерно на уровне человеческого лицензиата из хороших. Однако весь его опыт заключался в лечении драконов. Впрочем, картина потоков была достаточно ясной. Громадная внутренняя кровопотеря: посторонний предмет, нечто вроде крохотной пули, задел печень; также оказались пробитыми диафрагма и левое лёгкое, разорваны в двух местах мышцы спины. Таррот наложил лёгкий наркоз.

- Есть возможность лечиться у Мариэлы?
- Есть. Берёмся доставить к ней раненого меньше чем за час.

Дракон остановил кровотечение в нескольких местах, подумал и высказал вердикт:

– Пюка что жизнь пациента вне опасности. Он сейчас крепко спит и будет спать ещё четыре часа. Вы можете перевозить его на корабле или даже на лошади. Но на корабле, полагаю, тряска будет меньше. Есть и пить только с разрешения Мариэлы. С вашего позволения, тут есть ещё небольшая работа для меня.

Таррот не стал аккуратно доводить до совершенства потоки, он всего лишь исправил то, что непосредственно угрожало жизни. Лишь после этого прозвучал вопрос:

- Как случилось, что пациент был ранен?

Семаков мысленно отметил более рычащие, чем обычно, интонации речи дракона, но промолчал. Вместо него ответил Неболтай:

- Пробирался к вам, Таррот Гарринович, его заметили и обстреляли из ружья картечью. Разумеется, после этого казаку пришлось объяснить, что такое картечь.

Допрос продолжился:

- У вас принято воевать с детьми?

Вопрос был задан всё тем же индифферентным тоном, но на этот раз хорунжий возмутился:

– Нет, конечно! Это неприятельский офицер сделал. – Семаков по прежней должности был постоянным читателем газеты «Таймс» и потому счёл нужным с горечью добавить: – У наших противников бытует мнение, что мы – народ неполноценный и с нами допустимы любые методы ведения войны. В том числе убийство безоружных и детей.

На этом вопросы прекратились.

А Семаков сделал себе мысленную отметку: тело погибшего надо вернуть, но не из уважения к доблести павшего, а только чтобы люди противника не появлялись в этом месте. Потом капитан второго ранга подумал и решил, что на корабле обернуться до госпиталя будет как бы не быстрее, чем на коне, которого ещё изловить надо.

Мальчишку отнесли на борт «Морского дракона». В рубке капитан второго ранга глянул на хронометр и поспешил обратно на берег.

Разумеется, матросы попросили объяснений у хорунжего о неожиданном раненом пассажире. Рассказ вызвал вопросы. Казак отвечал, стараясь не вдаваться в ненужные подробности.

– За какую такую вину в мальчонку из ружья стрелять, да ещё картечью? Этак же убить можно!

- Для того и стреляли.

– Что ж он мог натворить? Аль украл чего? Так посечь за такое, но не душегубствовать же!

– Не крал он ничего. Он за едой для семьи направлялся: ракушки тут на берегу добыть можно. Отец-то у него в море сгинул...

Матросам всё стало ясно относительно стрелявшего.

- Вот же ирод!

После разговора с Тарротом казак тоже помчался на берег. За время отсутствия командира Неболтай успел добежать до тела англичанина, отметить про себя безнадежно испорченный мундир и затрофеить недурную саблюку (хотя и менее удобную, чем привычная шашка), флягу, в которой плескалась отнюдь не вода, и ружьё с дорогой серебряной отделкой. Деньги тоже сменили хозяина. Коня можно было изловить, и наверняка добыча оказалась бы ценной, но уж очень казаку не хотелось ехать верхом в пределах видимости англичан. Хорунжий тяжело вздохнул при мысли о дорогой сбруе и двустольных кавалерийских пистолетах английской работы в седельных кобурах.

Тело кавалериста оттащили к люку и с некоторыми усилиями погрузили на корабль, завернув в парусину.

– Тихон Андропыч, есть ещё одно дело: отослать те бумаги, которые ты мне показывал, да получить кое-что. Пошли к... тому самому месту.

Бумаги ушли. В ответ пришло очередное отправление из другого мира. «Кое-что» оказалось очень небольшой деревянной коробочкой. Семаков приоткрыл, глянул, удовлетворённо кивнул и захлопнул её. Казак сделал вид, что содержимое посылки его ни капельки не интересует.

– Это не для меня, – небрежно заметил моряк, энергично зашагал к лестнице и резво спустился в пещеру.

– Таррот Гарринович, за мной был должок. Получите. Только не знаю, подойдет ли вам?

Дракон снял крышку, ловко поддев её когтем. Внутри лежал серебряный тонкий браслет, в который был вделан большой синий камень и красный меньшего размера. Браслет сразу же оказался на левой передней лапе хозяина пещеры. Взгляд у дракона на короткое время (секунд пять) сделался рассеянным: Таррот наскоро прикинул магоёмкость.

– Благодарю. Как раз такие кристаллы я имел в виду.

Семаков чуть заметно улыбнулся и подумал, что давешний разговор с Тифором наконец получил логическое завершение.

Дракон, в свою очередь, рассудил, что с таким кристаллом воды плавание и охота на рыбу станут гораздо легче. И ещё прошла мысль, что с хорошим кристаллом огня в пещере станет теплее. Разводить костёр Таррот не хотел.

«Морской дракон» вышел из грота и взял курс на Севастопольскую бухту. Когда в рубке остался лишь командир и казак, последний сказал приглушённым голосом:

– А ты заметил, Владим Николаич, наш Горыныч-то гневен сделался.

Семаков и сам сделал тот же вывод, но спросил:

– С чего так решил?

– Когда я рассказал, как в мальчика стреляли, глаза у него стали такие... ну как если человек прицеливается, понимаешь?

– И я тоже подумал, что наш дракон в ярости. Они с мальчонкой вроде как в друзьях были. Правда, я не по глазам, а по голосу догадался.

– ?

– Больше рычания стало в речи.

– Ну и слух у тебя! Музыке небось учился?

– Было дело. Да только способностей у меня оказалось мало, – поскромничал моряк.

Лейтенант Мешков на следующий день был занят на дипломатическом фронте – передавал тело убитого англичанина его соратникам. При этом князь на безукоризненном английском объяснил, что «этот джентльмен был убит после того, как стрелял в безоружного русского мальчика восьми лет и ранил его». Принимавшая сторона никак не отреагировала на этот пассаж.

Костю отвезли в госпиталь. В тот момент дежурил фон Каде. С ним объяснялся лично капитан второго ранга Семаков.

– Видите ли, в этого мальчика английский кавалерист стрелял картечью. Разумеется, этого господина наши стрелки убили. Поблизости случился коллега Марьи Захаровны, но за излечение он даже не брался; его умений хватило лишь на то, чтобы поддержать жизнь пациента. Так что мы сейчас съездим за госпожой доктором.

Мариэла сразу же согласилась навестись в госпиталь и посмотреть пациента.

Выводы последовали быстро:

– Сегодня я ничего не стану править: мне ещё восстанавливаться. Конструкты, установленные моим коллегой, простоят ещё сутки. Завтра с утра над ними поработаю. Заодно завтра я хочу узнать о происхождении этого ранения. Ни о чём подобном мне не рассказывали. Лечение обойдётся в двадцать рублей, потребуется четыре дня.

– Деньги вам передадут.

Глава 9

У командира была задача потруднее. Он по описанию и со слов соседей нашёл дом Елены Киприановой.

Дверь открыла девушка неопределённого возраста. Ей могло быть как тринадцать, так и шестнадцать. Моряк успел подумать, что острые черты лица и чуть длинноватый нос достались от отца, а вот светлые волосы и глаза явно были материнским наследством. Завидев незнакомца в военно-морском мундире, она ахнула:

– Костенька?!

– Он жив и сейчас в госпитале. В него стрелял англичанин, но доктор Марья Захаровна пообещала, что через пять дней здоровым выйдет. Матушка дома?

– Работать ушла.

– Да, вот еды малость. – Семаков извлёк из сумы аккуратно завернутые в чистые тряпицы стопку морских сухарей и шматочек сала. – Это всё собрала команда.

– Благодарствуйте.

Девушка явно не знала, что сказать, но капитан второго ранга перехватил инициативу:

– Меня зовут Владимир Николаевич Семаков, я команду кораблём «Морской дракон». Костя пробирался к одному моряку продать фигурки дракона, англичанин его заметил и пальнул из ружья. Мои матросы подхватили мальчика – и в госпиталь.

– Что ж англичанин?

– Пулей его успокоили, – последовал жёсткий ответ. – Больше уж никогда не будет по безоружным стрелять... А тебя как зовут?

– Крещена Натальей, папа звал Атя... – Вздых.

Беседа продлилась недолго. Семаков ушёл со смутным ощущением, что надо что-то делать и с мальчонкой, и с его семьёй, и осталось лишь прикинуть, что именно. Но уже поблизости от причала кое-какой план начал вырисовываться.

На этот раз ошибки не было: к рассвету пушкари неприятеля были уже в готовности. Дистанция была не из малых: сажен четыреста, но и цель не крохотная.

Небо только-только рассветлелось. Подноски шёпотом ругали промозглый ветер, хотя все до единого прекрасно знали, что в ходе дела согреются своим паром: очень уж нелёгкой была работа по перекидыванию двухпудовых гранат.

Лейтенант Беккер не преминул заметить командиру батареи:

– Иван Андреевич, нам надо с поручиком Боголеповым наблюдать попадания.

Про себя Шёберг отметил заметный немецкий акцент в сочетании с правильностью русской грамматики.

– Правильно мыслите, Пётр Христианович. Займите позицию вон у того угла, да не высывайтесь особо. Защитникам редутов вы живым понадобится.

Всё это было сказано так, что ни один слушатель, включая матросов, не усомнился бы в хладнокровии командира батареи. На самом же деле мичман ещё как волновался.

Накануне у него был разговор с генералом Хрулёвым.

– Ваше превосходительство, осмелюсь доложить, что наши гранатомёты сами способны подавить артиллерийские позиции неприятеля. Если начнётся пешая или кавалерийская атака, нам понадобится помощь орудий люнета. К сожалению, предвижу нехватку гранат. По расчёту нам на полную обработку артиллерийских позиций только-только хватит.

– Берётесь подавить неприятельские батареи? Вы так уверены, мичман, в мощи гранатомётов?

Сказано было без гнева, но Шёберг всё же ощутил неприятный холодок, прошедший по спине.

– Так точно, ваше превосходительство, но лишь касательно противодействия неприятельским пушкам. Посему разрешите начать с рассветом.

– Одобряю. Но я лично буду наблюдать за действием ваших артиллеристов. Посмотрим, насколько... кхм... сии гранатомёты лучше обычных пушек.

– Постараюсь не разочаровать ваше превосходительство!

Волнение мичману унять не получилось, вот почему он устроил накрутку комендорам:

– Максимушкин!

– Я!

– Повторить порядок пальбы!

Разумеется, дисциплинированный матрос не напомним непосредственному начальнику, что порядок уже был повторён дважды без единой ошибки.

– Так что, ваше благородие, начинать с крайней орудии на зюйд-осте, пристреляться, потом вести ствол налево вплоть до позиции, где ихний часовой сейчас. Потом ждать указаний по целям.

Мичман кивнул и отдал аналогичный приказ Патрушеву. Тот справился ничуть не хуже товарища.

– Гранатомёты!.. К бою!!!

По рукам подносчиков, как живые, пробежали тяжёлые серые гранаты. Первые пять легли в приёмные лотки.

– Патрушев, без команды не палить! Жди дистанции!

– Слушаюсь!

Втихомолку комендор второго гранатомёта позволил себе самовольство: установил дальность на ту дистанцию, которую посчитал нужной, решив, что в случае надобности поправить её труда не составит.

– Первый гранатомёт, дистанция четыреста пятьдесят сажен, пристрелочный!

Вспышка вышла слабее обыкновенного: негаторов вблизи не случилось, и потому граната грохнула у самой земли. Зато взрыв получился именно таким, какого и ожидали артиллеристы с «Морского дракона».

Наибольшее впечатление получили соседи-пушкари. Это выразилось в репликах, самыми приличными из которых были:

– Сколько ж пороху в этих гранатах! Они целый склад туда...

– Говорят, порох там особенный, называется тротил, вот он, ежели...

– Кто там тротил? Чего тротил?

– Не тротил, а тротил. Силища аграменная. Это что, вот мне земляк-туляк рассказывал, каково он по кораблям бьёт: всё стораёт к...

Тем временем мичман выдал поправки:

– Перелёт двадцать пять сажен. Сдвинь, Максимушкин, на деление... Пали!

Впечатление усилилось, хотя и поручик Боголепов, и лейтенант Беккер отметили, что накрытия всё ещё нет. Впрочем, последний был впечатлён гораздо сильнее: он видел действие гранатомётов впервые, хотя кое-что слышал. Просто перед позициями неприятельских пушек вдруг вырос громадный куст из земли, который на фоне яркого утреннего неба (хотя солнце ещё было за горизонтом) показался совершенно чёрным. Когда же взорванная земля опала, стало видно, что орудийную прислугу на вражеской батарее посбивало с ног, но времени прийти в себя и подняться у них уже не осталось.

– Недолёт десять сажен, поправка на четверть деления. Давай!

Через пять секунд со стороны соседей последовали радостные восклицания:

– Царица небесная, да у них от трёх орудий верным делом ничего и никого не осталось!

– Вот же... силища!

Шёберг отреагировал по-артиллерийски:

– Накрытие! Максимушкин, ве́ди прицел по линии орудий. Патрушев, дистанция ч́етыреста тридцать пять, пристрелочный по своей цели!

Взрыв последовал практически мгновенно. Предусмотрительный комендор, слыша поправки по дальности для товарища, успел подвинуть ползунок на нужную позицию ещё до команды.

– Есть! Молодец, Патрушев! Давай, братцы, ве́ди по линии!

Все наблюдатели отметили, что третья граната от гранатомёта номер один лопнула далеко в вышине, выдав огненный шар. Боголепов и Беккер поняли правильно: среди орудийной прислуги неприятеля нашёлся тот, кого мичман Шёберг назвал «негатор». Все остальные посчитали, что это была специальная зажигательная граната, тем более что стоявшая рядом бочка с порохом и вправду полыхнула огнём.

Нельзя сказать, чтобы вражеские артиллеристы (те, кого не задело) растерялись. После первых пяти залпов первого гранатомёта – а второй к тому моменту успел выпустить две гранаты – они попытались организовать ответный огонь из тех пушек, которые не пострадали от взрывов. Засуетилась прислуга. Притащили ядра, на божий свет появились картузы с порохом.

Но на полноценный артиллерийский ответный огонь катастрофически не хватало времени. Чудовищные по силе взрывы неумолимо приближались к уцелевшим пушкам, выкашивая прислугу. Запалы подготовленных к бою бомб и гранат исправно загорались; эти боеприпасы можно было сбросить за вал, где они взорвались бы без особого ущерба для своих, но некому было это проделать – почти все близлежащие артиллеристы оказались или убитыми, или тяжело контуженными. То же относилось и к пехотному прикрытию. Его остатки, повинаясь командам, отступили сажен на двести. Только на этом расстоянии удалось спастись от губительного разлёта осколков.

Шёберг вёл себя так, как учили: напряжённо вглядываясь в результаты попаданий, он одновременно подсчитывал количество гранат. По всему выходило: на полное подавление вражеских батарей, противостоящих Камчатскому люнету, хватит; на отражение пешей или кавалерийской атаки – под вопросом. Он всё ещё думал над этим, когда над ухом послышался голос Неболтая:

– Иван Андреевич, нам бы на вылазку.

– Тихон Андропович, ум отшибло? Вас же там, как цыплят, перережут. Вон вдалеке собралось их пехотное прикрытие. Добегут до вас и... того.

– А мы шкodu быстренько заделаем. Только прикажи выдать нам эти ваши гвозди, чем пушки заклепать, да молоты потяжелее.

– Нет их у меня, нам они не надобны. Иди к соседям, вон там стоит штабс-капитан Грайновский, у его артиллеристов должны быть.

Хорунжий отдал приказ, двое казаков резво побежали к соседу.

Размышления командира батареи прервал лейтенант Беккер:

– Иван Андреевич, результаты от пальбы вашими гранатомётами превыше всего ожидаемого, никогда такого не видел и даже представить не мог. Однако ваш комендор Патрушев заслуживает наказания.

Шёберг искренне удивился:

– Это за что же?

– За самовольство. Я лично видел, как он, не получив вашего приказа, поправил серебряный ползунок на линейке. Это ведь изменение дальности, не так ли? Такое нижнему чину без команды офицера делать никак нельзя.

Мичман подумал и принял решение:

– Патрушев, ко мне бегом!

- Вашблагородо... по ваш... приказа... прибыл!!!
- Скажи-ка, братец, ты изменил дальность перед тем, как начать палить?
- Так точно, изменил!
- А с каким намерением?

Матрос, похоже, догадался, что линьки не предвидится, но отвечал со всем уставным рвением:

– Вы задали первому гранатомёту дистанцию, ваше благородие, я её же установил ради экономии времени на пристрелку.

– Хорошо сделано, братец, хвалю.

– Рад стараться!! – И матрос, поняв всё правильно, поспешил вернуться к гранатомёту.

При обращении к лейтенанту Шёберг был подчёркнуто спокойным:

– Комендор Патрушев поступил правильно: действуя быстро, он не позволил неприятелю ответить ядрами и бомбами на работу наших гранатомётов. И ещё, Пётр Христианович: если, не дай-то бог, меня или вас убьют или ранят, один из комендоров будет исполнять обязанности командира батареи.

– Но они ничего не понимают в математике!

– В данном случае этого и не надо. А возможности гранатомётов мои люди знают превосходно... – Не было сказано вслух, но прозвучало отчётливо: «Не хуже вас». – И пристреляться могут уверенно. Сам проверял. Так что прислушивайтесь к их мнению. Напоминаю также: всеми силами берегите людей. Других понимающих взять неоткуда.

Поручик Боголепов хранил при этом полнейшее молчание.

– Да что ж они, змеюки, делают!

Именно такой была реакция генерала Хрулёва на быстрые, но не бросающиеся в глаза продвижения пластунов. Те, стараясь быть елико возможно незаметными, пробирались к полевым позициям вражеской артиллерии, точнее, к тому месту, где они были.

Хорунжий Неболтай сдержал слово: его лихие ребята и в самом деле необыкновенно шустро привели вражеские пушки в негодность, а заодно и подобрали трофеи в виде оружия. Возможно, казаки попользовались и неприятельскими кошельками, но этого с уверенностью никто сказать не мог. Как бы то ни было, пластуны вернулись без потерь.

Любой поручик, знакомый с тактикой хотя бы на книжном уровне, мог предсказать ответный ход генерала.

– Мичман Шёберг, генерал Хрулёв запрашивает состояние дел с гранатами: хватит ли на поддержку пехотной контратаки? – возгласил появившийся вблизи батареи адъютант.

– Доложите генералу: нет возможности. У нас почти закончились гранаты. Убедитесь сами, господин штабс-капитан: по ящику на гранатомёт, это пять выстрелов.

– Да что вы такое говорите, я же вижу здесь десять гранат!

– Всё верно, на один выстрел расходуется пара. Иначе они не взрываются.

Генерал Хрулёв хорошо знал артиллерийское дело и сразу заметил, что эффективная дальноточность гранатомётов явно больше, чем у обычных орудий. Они очень даже могли бы помочь вылазке, но... нехватка боеприпасов была в российской армии делом обычнейшим.

Обстановка на батарее стала настолько спокойной, что мичман даже разрешил своим людям перекур. Но мирные размышления Шёберга были прерваны голосом комендора:

– Ваше благородие, дозволейте доложить.

– Докладывай, братец.

– Так что, ваше благородие, одна граната не сработала.

Благодушие командира батареи мгновенно испарилось.

– Ну-ка, Максимушкин, расскажи всё до мелочей.

– На пятом залпе левая граната ушла, а правая-то нет. И взрыва не было.

– А куда ты попал этой первой гранатой?
– Да целился по траншее. Мыслью, что в её глубь как раз влетела.
Шёберг нахмурился, но всё же счёл нужным выдать похвалу наблюдательному матросу:
– Молодец, что заметил, братец; если ещё такое случится, обязательно мне доложи после боя.

– Рад стараться!
– Свободен.
Матрос даже не успел шагнуть в сторону гранатомёта, как рядом появился Неболтай.
– Иван Андреевич, гляньте-ка, что мои молодцы нашли.
Это была неразорвавшаяся граната, порядочно замазанная грязью.
– Где нашли, Тихон Андропович?
– Да в ровике.
– Глубокий он был?
– Сказать примерно, три четверти сажени. Ну, может, чуть поменее. Ещё счастье, что я знал: граната сама не взорвётся, а то казаки уже хотели её десятой дорогой обойти от греха.
– Правильно сделали, Тихон Андропович, что приволокли эту находку. Надобно будет Тифору Ахмедовичу рассказать.

Поздно вечером лейтенант Мешков с матросами наведлся к порталу. Оттуда пришли два гранатомёта в разобранном виде, их описание и аж целых пятьсот гранат.

Грузившие боезапас матросы тихо переговаривались:

– Энти-то будут как бы не в пять раз полегше.
– Ей-же, не больше двенадцати фунтов.
– Зато их сколько – считал?
– Да всех не перечесть, но руки оттянули.

Лейтенант решил вмешаться:

– Тихо, братцы, не хватает, чтоб вражины нас тут заслышали. Грузите-ка побыстрее. Нам за ночь доехать до редутов, да там собрать... Кстати, завтра пообещали ещё пятьдесят гранат. А на сегодня двести пятьдесят.

К счастью, новые гранатомёты не нуждались в юстировке самоприцела за отсутствием такового. Да и процесс сборки не потребовал много времени. К полуночи их уже доставили на редуты.

Мариэла с утра первым делом занялась новым раненым. Мальчишке повезло: кости задеты не были. Наложив конструкторы, госпожа доктор поинтересовалась, каким образом и каким оружием это ранение было причинено. Доктор фон Каде добросовестно объяснил. Узнав, кто доставил раненого в госпиталь, Мариэла задумалась, а потом твёрдо заявила: – За лечение этого мальчика я денег не возьму. Произнесено было так, что у всех окружающих пропало желание задавать вопросы, если таковое было.

Но продолжение было чуть необычным. Мариэла обратилась к соседу Кости по палате (солидному боцману с порядочной долей седины в волосах, которого все звали Сергеич) и попросила приглядеть за пациентом. Тот был явно польщён подобным знаком доверия и пообещал, что сделает всё, «как госпожа доктор велит».

Распоряжения были достаточно просты:

– До завтра с постели не вставать. Пить можно, но немного: не более кружки в один присест, в день пять кружек. Вместо воды можно пить чай, но без сладостей. Сегодня есть нельзя. К вечеру можно кашу и щи. А завтра уж разрешаю есть рыбку и мясо, только малыми порциями. Завтра утром ещё подлечу. Всё понятно?

– Да как не понять! Прослежу, не держите сомнений.

У Тифора наступили тяжёлые дни. Негаторский эффект упорно не поддавался гашению. То есть частично его удавалось нейтрализовать, но налицо был тот самый случай, когда «чуть-чуть не считается» – как ни странно, это присловье бытовало в обоих мирах.

Такое положение дел, разумеется, более чем устраивало унтер-офицера Синякова: работа так и оставалась нетрудной, никакой щекотки не наблюдалось, денежки платили исправно. А негромкая ругань рыжего барина в счёт, разумеется, не шла.

Труд магистра-универсала осложнился: теперь Мариэла практически полностью сосредоточилась на нуждах госпиталя. Это не делало работу невозможной, но тормозило её порядочно.

День за днём слышались одни и те же комментарии:

– Не прошло... Ладно же, отдохнём и попробуем иначе... Ага, с этой стороны дело идёт! Ах ты, Тёмный тебе в печёнку, у головы опять провал! Да чтоб тебя... Ну, теперь уж до вечера отдыхать.

Сарат даже не стал созывать совещания: просто передал тощую стопку бумаги с пожеланиями от землян, сопроводив это словами:

– Хорот, мне не нужно вас учить, что надо делать.

Мастер-оружейник подошёл к делу максимально серьёзно и собрал трёх наиболее опытных подмастерьев.

– Нам дали два задания. Первое и более простое: уменьшить звук от выстрела как в пистолете, так и в винтовке. Следуйте за мной.

Слушатели высыпали в двор.

– Показываю...

Звуки от стрельбы в воздух были почти одинаковыми, только винтовочный «чпок» был погромче пистолетного.

Сам мастер мысленно уже решил эту задачу, но подумал не упустить возможности научить будущих мастеров чему-то новому.

Тут же началась дискуссия.

– ...Звук возникает у среза ствола оттого, что воздух снаружи прорывается...

– ...Сделать так, чтобы проникновение шло постепенно...

– ...Срез ствола не ровным, а волнистым...

– ...Как насчёт точности выстрела?

– ...Вот как: прорезать в стволе здесь, у самого дульного среза, поперечные щели – ну, как жабры у акулы...

– ...Спрашиваю: сколько? И ширина их, опять же?

– ...Не щели, а отверстия? Только не одно, а несколько по окружности, тогда и на точность не повлияет...

– ...Пробовать надо, ребята. Например, изготовить ствол с такими щелями или там отверстиями...

– ...Давайте готовые стволы попробуем...

– ...Испортим их. Меткость при этом...

– ...Нет, сначала проверим сам принцип, уточним, какой вариант лучше, а уж потом...

Мастер мысленно улыбнулся. Ребята думали в правильном направлении. Поэтому он хлопнул ладонью по столу и волевым решением назначил каждому проверить свой вариант.

Все подумали одно и то же, но лишь самый любопытный (или самый нахальный) из подмастерьев осмелился спросить вслух:

– Мастер, а что за второе задание?

Хорот ответил совершенно честно:

– О втором вы услышите лишь после того, как с первым справитесь. Мне тут самому подумать надо. Очень оно... с хитростями и подвохами.

Многоуважаемый не стал детализировать, какие такие хитрости и подвохи он предполагает: во-первых, собственный опыт однозначно утверждал, что многозадачность, навьюченная на исполнителя, никогда не идёт на пользу качеству; во-вторых, у самого Хорота уже были кое-какие мысли о конструкции изделия; в-третьих, существовали серьёзные подозрения, что дело пойдёт отнюдь не гладко.

Хороту предстояло изобрести и сделать винтовку, которая, перезаряжаясь сама, могла без участия стрелка выпускать одну пулю за другой, пока не опустеет магазин или пока палец не перестанет давить на спуск. Уже по дороге в мастерскую оружейник подумал о названии для этой винтовки. Наилучшим решением показалось «скорострельная винтовка» или для краткости «скорострелка».

Разумеется, Хорот не знал, что для земных аналогов уже придумано название – «картечница».

Озабоченность доктора Пирогова мог почувствовать любой. Разумеется, Мариэла её также заметила.

– Что-то случилось, Николай Иванович?

– Мне прислали весть: в лагере неприятеля появились случаи холеры.

Это слово госпожа магистр знала. Курс инфекционных заболеваний им читали.

– Так вы опасаетесь, что и у нас она может появиться?

– Уже, Марья Захаровна. Двое. Кланяюсь вам за помощью.

– Лечить я могу. Но у меня не хватит сил и на холеру, и на раненых. Гораздо проще избавиться от заражения через питьевую воду. Ну и руки мыть, понятно, с мылом. Тут может помочь Тифор Ахмедович. В его силах быстро обеззараживать воду. Вот, – Мариэла извлекла из кармана карандаш и стопочку листов, – вам записка к нему. А теперь давайте посмотрим, что там с больными. Но сегодня четверг, бесплатно не работаю.

Пирогов чуть скривился, но тон у него был самым деловитым:

– Нам, Марья Захаровна, в холерный барак, уже выделили такой.

При входе в барак Николай Иванович незаметно (как он полагал) вынул часы. Ему хотелось знать, сколько времени уйдёт на лечебный процесс.

После быстрого осмотра иностранка твёрдо заявила:

– Работа не из сложных, по три рубля с человека она стоит.

Один из больных находился в забытии и никак не отреагировал. Второй глянул с ужасом.

– Ну-ну, Куликов, я передам твоим, уж три рубля на тебя соберут, да и Звонаренку тоже. Лечение заняло по полчаса на человека.

Инструкции сложностью не отличались:

– Через полчаса можно пить. И даже нужно. А вот есть ничего нельзя вплоть до послезавтра. Завтра вечером посмотрю.

Через час двое врачей вышли из барака. Пирогов почему-то пребывал в состоянии глубочайшей задумчивости и явно не замечал никого и ничего. Они уже вошли в дверь госпиталя, когда почтенный хирург вдруг остановился и возгласил:

– Чёрт побери всё! – Сказано было настолько громко, что все проходившие мимо повернулись в сторону Николая Ивановича. Но тот не обратил на это внимания и столь же громко и в такой же степени непонятно добавил: – Да пропади они все пропадом! – Пирогов не уточнил, кому именно он сделал это предложение, но дальнейшие слова начали вносить ясность в этот вопрос. – Марья Захаровна, вы говорили, что у вас есть диплом.

– Да, но не с собой.

– Вы ведь можете его перевести на русский?

До Мариэлы начала доходить мысль собеседника. Ответ был выдан в нужном виде:

– Разумеется, могу, но также наш язык знают и лейтенант Семаков, и князь Мешков.

– Так что ж вы сразу не сказали?! Тогда сделайте перевод, его Владимир Николаевич – кстати, он уже капитан второго ранга – заверит своей подписью. И это будет основанием зачислить вас на должность врача с жалованьем шестьсот восемьдесят рублей, считая столовые. Хотя... почерк у вас каков?

Мариэла слегка смутилась:

– Даже не знаю, Николай Иванович, но полагаю, по вашим меркам... не очень.

– Не страшно, вы лишь сделайте перевод, а уж я найду кого-то, чтобы переписать.

Глава 10

Семаков принял решение лишь после долгого обдумывания.

В результате двое «гардемаринов» были вызваны пред начальственные очи.

– Фёдор Фёдорович, Пётр Христианович, из того, что я слышал, следует, что дело на редутах будет жарким. Вам бы ещё поучиться не худо, но времени нет. Вам, Пётр Христианович, отдам в подчинение Максимушкина. А вам, Фёдор Фёдорович, Патрушева. Это мои самые меткие и самые знающие комендоры. Для гранатомётов выбирать не самую близкую, но самую высокую позицию, дабы иметь возможность поражения целей в любом направлении по всему фронту. Помните, господа: ваша задача елико возможно повыбить всю неприятельскую артиллерию. А если заодно пехоту потеряете, так я на это согласен. Да и ваши соседи-артиллеристы противуречить не станут. Но берегите гранаты! Подвоз состоится лишь следующей ночью. Обращаю внимание, господа: ни в коем случае не подпускать неприятеля ближе чем на триста шагов – на этой дистанции их штуперы дадут возможность расстреливать защитников редута. Было уж такое, как мне докладывали. Постараюсь прислать кого-то из моих офицеров в помощь, однако... сами понимаете.

Про себя капитан второго ранга твёрдо решил, что при малейшей возможности вернёт обратно комендоров на борт своего корабля, ибо без них любая атака любой морской цели становится делом сомнительным, чтоб не сказать хуже. Правда, на сегодняшний день только «Морской дракон» был в состоянии обеспечить снабжение гранатомётов боеприпасами. А потому и перспектива налёта на Балаклавскую бухту пока оставалась неясной.

У магистра Тифора вдруг прибавилось количество неотложных дел. Для начала он помог собрать два гранатомёта, на это понадобился час. Пока он магией трансформации делал из брусков металла полноценные щиты для гранатомётов, пришёл рассыльный с запиской от Мариэлы. Почему-то его услуги понадобились в госпитале. Работу по нейтрализации негодяя с него тоже никто не снимал.

Рассудив, что в госпитале ждёт неотложнейшая из всех задач, он поспешил туда. Экипаж с Мариэлой подъехал к дверям одновременно с магистром, который прибыл верхом.

Маг жизни не была настроена на долгие предисловия:

– Тифор, насколько помню, вам читали основы магии смерти?

– Конечно. Это обязательная часть магистерских спецкурсов.

– У нас тут возникла угроза эпидемии. Обеззараживать воду вас учили?

– Стандартная операция. В чём вода? – деловито спросил универсал.

– В здешних бочках.

– Если ничем другим не заниматься, то берусь обработать, скажем, восемь бочек в день.

Примерно. А если нужно больше, тогда дайте хорошие кристаллы.

– Вам какие нужны?

Рыжий не задумался ни на секунду:

– Лучше всего специализированные. На магию смерти и на магию воды.

– ?

– Ну да, потоки смерти плохо проникают сквозь воду. Её приходится перемешивать в бочках. Кстати, хороший универсальный тоже сгодится. Но на магию смерти нужно нечто поболее, чем на воду. Мне ведь придётся ещё гасить потоки.

– Насчёт кристаллов постараюсь договориться. Но это не сию минуту. А обработать воду нужно прямо сейчас.

– Срочное дело, выходит?

– Как понимаю, очень даже.

– Вы меня только сведите с нужным человеком.

Мариэла попросила позвать к себе доктора фон Каде. Тот выслушал, покивал и осведомился:

– Тифор Ахмедович, что вам нужно, чтобы начать работу?

– Сами бочки с водой и что-то, чем сделать на них надпись. Желательно, чтобы потом её можно было стереть.

– Мелок подойдёт?

– А что это?

Через четверть часа дело пошло. Рыжий глядел на поверхность воды, чуть двигал пальцами, отчего сторонним наблюдателям (почему-то таковые сразу же отыскивались) казалось, что содержимое бочки кипит, хотя пара никто не видел. После этого магистр выжидал, рисовал мелом кружок на боковине бочки и со словами «Из этой можно пить» переходил к следующей.

Мариэла между тем договорилась с Пироговым, что, дескать, обеззараживание бочек с водой господин магистр может производить и впредь, но если потребуется больше восьми бочек, то придётся раскошелиться на...

– Я подпишу распоряжение на выдачу.

– А я займусь вчерашним пациентом.

* * *

Дракон, разумеется, попробовал ловить рыбу с хорошим кристаллом воды. Про себя Таррот отметил, что возможности сильно возросли: настолько, что после часовой охоты попалась добыча весом фунтов семьдесят пять. Такие рыбы в родных местах дракона не встречались. Выглядело это создание, по мнению охотника, на редкость дико и уродливо. Правда, местные утверждали, что ядовитые рыбы в этом море не водятся, но эрудированный рыболов знал, что люди иной раз проявляют необыкновенную разборчивость в еде. Вполне возможно, подобное чудище полагают за несъедобное.

Пока дракон раздумывал, в его пещеру спустился Семаков.

– Доброй ночи, Таррот Гарринович.

– И вам, Владимир Николаевич. Посмотрите, что я поймал. У вас такие едят?

Крылатый уже научился ориентироваться в человеческой мимике. Ошибиться было нельзя: гость явно удивился.

– Это осётр, Таррот Гарринович. Вкусная и дорогая рыба, особенно в это время года. Поздравляю с удачей.

– Вы хотите сказать, такую добычу можно продать?

– Ну конечно же; рубля два, самое меньшее.

Неожиданно хозяин пещеры сменил тему:

– Как себя чувствует маленький Костя?

– Спасибо. Он должен быть на попечении госпожи Мариэлы. Она его вылечит.

– Не окажете ли вы мне услугу?

– Какую именно?

– Как я понял, семья Кости живёт... – дракон запнулся, явно пытаясь подобрать нужное слово, – не сытно. Вы не могли бы передать эту рыбу его матери? Или продать?

– Разумеется, могу. Последнее, пожалуй, лучше. Только как бы сделать, чтобы осётр сохранился?..

– Это как раз просто. Я могу охладить рыбу. А если нужно, даже заморозить.

– Я пошлю моих людей, они продадут вашу добычу. Но услуга за услугу. Нам нужны сведения о кораблях наших противников вот... – на плоском камне стола разлеглась карта, – в этих местах...

Матросы с «Морского дракона» с трудом восстанавливали дыхание. Никто этому не удивился бы: очень уж нелёгкой выглядела работа. Затащить гранатомёт было не столь уж трудным (он и четырёх пудов не весил), зато щит для него тащили ввосьмером, да и то с помощью слов, услышав которые Тифор мог бы на мгновение заподозрить произнесение неких заклинаний, облегчающих работу. Впрочем, магистр-универсал, вероятнее всего, тут же отверг бы сию мысль, поскольку заранее знал, что в этом мире магии нет и быть не может.

Ящики с гранатами, правда, весили по три с половиной пуда, но их и было много – двадцать семь.

Лейтенант Беккер командовал:

– Ещё повыше! Левее! Установить. Теперь закрепить щит! Обложить камнями станину, чтоб не двигалась!

Ни разу не прозвучало слово «хорошо».

Прислуга только-только успела вытереть пот, как прозвучало:

– Гранатомёт к бою товсь! – С этими словами командир побежал на позицию, которую посчитал наилучшей для себя.

Она и вправду была хороша в смысле обзора, хотя, на взгляд Максимушкина, опасна для наблюдателя.

Комендор не стал раздавать команды подносчикам. Те и так знали очерёдность. Матросы Смирнов и Плёсов принялись грузить приёмные лотки новыми гранатами.

Воспользовавшись отсутствием офицера в непосредственной близости, Максимушкин, в свою очередь, начал командовать:

– Смирнов, оботри ладони о штаны: не ровён час, из потных рук граната выскочит. Всем, ребяташки, поглядеть под ноги, камни убрать, чтоб пальцы не зашибить и не споткнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.